

24.
1125

ЕВРОПА И ВОЙНА

РОССІЯ
И ЕЯ СОЮЗНИКИ
ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЦИВИЛИЗАЦІЮ

ИЗДАНИЕ
Д.Я.МАКОВСКАГО
МОСКВА

5 (2) „1914:1918“

КНИГА
3 СЕРИЈАСТІ

ЕВРОПА и ВОЙНА.

РОССІЯ и ЕЯ СОЮЗНИКИ
ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЦИВИЛИЗАЦІЮ.

457125

ИЗДАНИЕ Д. Я. МАКОВСКАГО.
МОСКВА — МСМХVII.

УЧАСТІЕ ПРИНИМАЮТЪ :

И. Н. БОРОЗДИНЪ, В. Я. БРЮСОВЪ, проф. В. А. БУТЕНКО, почетный акад. проф. А. Н. ВЕСЕЛОВСКІЙ, акад. проф. Оксфордскаго Унив. П. Г. ВИНОГРАДОВЪ, проф. И. И. ГЛИВЕНКО, проф. Э. Д. ГРИММЪ, М. В. ДОБУЖИНСКІЙ, почетный акад. Э. Ф. ЗЪЛИНСКІЙ, проф. Н. И. КАРЪБЕВЪ, проф. Л. П. КАРСАВИНЪ, прив.-доц. Ю. В. КЛЮЧНИКОВЪ, академикъ проф. М. М. КОВАЛЕВСКІЙ (†), академикъ проф. Н. П. КОНДАКОВЪ, профессоръ С. А. КОТЛЯРЕВСКІЙ, Е. Е. ЛАНСЕРЕ, Я. Д. МАКОВСКІЙ, акад. С. В. НОАКОВСКІЙ, проф. бар. Б. Э. НОЛЬДЕ, проф. Н. П. ОТТОКАРЪ, проф. А. Л. ПОГОДИНЪ, проф. М. Н. РОЗАНОВЪ, акад. проф. М. И. РОСТОВЦЕВЪ, проф. А. Н. САВИНЪ, П. СУРМИНЪ, сенаторъ Н. С. ТАГАНЦЕВЪ, проф. Евг. В. ТАРЛЕ, проф. Б. А. ТУРАЕВЪ, проф. Б. В. ФАРМАКОВСКІЙ, прив.-доц. М. С. ФЕЛЬДШТЕЙНЪ, прив.-доц. В. М. ФРИЧЕ, ВАЛЕРІЙ ЯЗВИЦКІЙ, проф. Н. В. ЯСТРЕБОВЪ, и др.

ТОМЪ III

ИМПЕРІАЛИЗМЪ
И
ДЕМОКРАТІЯ

ВЪ ЧЕМЪ БОРЬБА ЗА ЦИВИЛИЗАЦІЮ?

(Имперіализмъ и демократія).

Статья П. СУРМИНА.

I.

Въ началъ войны и враговъ и друзей согласія объединяло, какъ это ни странно, одно словесное знамя. Я не буду парадоксальнымъ, если выражу его словами, такими знакомыми читателю: „Россія и ея союзники борются за цивилизацію“, „Германія и ея союзники борются за цивилизацію“.

Тогда казалось, что именно въ этомъ смыслъ великой войны. Въ статьяхъ газетъ и журналовъ, въ рѣчахъ ораторовъ, въ парламентахъ и на площадяхъ, въ окопахъ и лазаретахъ именно такъ понималась и толковалась правда этой войны.

Въ самомъ дѣлѣ, казалось тогда, Россія вступилась за маленькую Сербію, которую великодержавная Австрія хотѣла предать огню и мечу; Франція поддержала свою союзницу, и Британія лишь тогда вмѣшалась въ войну, когда „тяжелый германскій сапогъ уже топталъ цвѣтушія поля Бельгіи“. Война ведется державами во имя справедливости и права: онѣ защитницы „униженныхъ и оскорбленныхъ“. Напротивъ Германія—палачъ Европы, жаждущій стальными цѣпями сковать ея демократію. Она хотѣла войны, ее вызвала, для нея милитаризмъ всегда былъ родной стихіей. Надо преодолѣть мощь ея штыковъ,—и побѣда надъ германскимъ милитаризмомъ будетъ означать зарю новой жизни для народовъ Европы.

Таково было евангеліе сторонниковъ согласія. Въ него вѣрили, ему присягнули не за страхъ, а за совѣсть милліоны людей. Оно объединило, видимо, всѣ партіи—и у насъ, и во Франціи, и въ Англіи.

Но это евангеліе раздѣляли и нѣмцы! Они замѣняли лишь названія странъ.

„Германія и ея союзники борются за культуру! Они ведутъ войну оборонительную, спасаютъ себя отъ нашествія варварской Россіи. Германскіе социалисты должны итти на фронтъ, иначе казаки будутъ въ Берлинѣ! О, если бы Франція не вступилась за Россію,—противъ Франціи никогда не выступила бы германская социаль-демократія! Все остальное — окровавленная Бельгія, Лувэнь и Реймсъ — лишь трагическая необходимость, военная бѣда, но не вина, случайное, хотя и тяжелое послѣдствіе обороны германской культуры. И Англія, чье вмѣшательство усложнило эту оборону, казалась нѣмцамъ преступившей завѣты самого Бога, — и Онъ долженъ ее покарать!

Шли дни, тяжелые и трудные дни войны, но, чудилось, единый порывъ воюющихъ не ослабѣваетъ, внутренній миръ не нарушается. Націоналисты могли праздновать побѣду, капиталисты торжествовать: красная опасность исчезла, пролетаріи каждой страны и буквально и переносно шли въ ногу съ буржуазіей своей родины и стрѣляли въ пролетаріевъ другихъ странъ.

Кризисъ социализма наступилъ: интернаціональ оказался фиктивной величиной. Въ Германіи вначалѣ лишь одинъ Либкнехтъ былъ его неизмѣнно преданнымъ слугою и бодро несъ крестъ идейнаго одиночества и тюремнаго заключенія. Такой же одиночкой былъ и Фридрихъ Адлеръ, который, получивъ винтовку, стрѣлялъ по тому врагу, что оказался ближе всего,—по австрійскому премьеру Штюргку. Лишь немногіе социалисты признали, что, принявши войну, „социаль-демократія явила міру зрѣлище политическаго банкротства, свернувъ свое знамя и рабски послѣдовавъ за знаменемъ милитаризма“.

Въ странахъ согласія также одиноки и малочисленны были протестанты.

Потомъ наступилъ переломъ: еще казались крѣпки внѣшніе союзы — но союзъ внутренній далъ трещину во всѣхъ воюющихъ странахъ. Въ началѣ это былъ глухой подземный процессъ. Его ускорила и усложнила великая русская революція.

Когда мы, какъ въ сказкѣ, въ одинъ прекрасный день проснулись гражданами „самой свободной республики въ мірѣ“, то это пробужденіе, лишь постепенно, но вызвало въ насъ переоцѣнку цѣнностей. Эта переоцѣнка отразилась и на нашей внѣшней политикѣ.

При Николаѣ II въ Россіи война далеко не всѣми была единодушно принята. Русскій социализмъ, на примѣръ, оказался чуть ли не самымъ послѣдовательнымъ: крайняя лѣвая въ Государственной Думѣ — трудовики и социаль-демократы — неизмѣнно голосовала противъ военныхъ кредитовъ.

Революція еще опредѣленнѣе, еще рѣзче поставила передъ русской демократіей вопросъ о смыслѣ войны. На исторической аренѣ появился новый врагъ милитаризма: русская демократія. И сразу поблекло евангеліе имперіалистовъ всѣхъ странъ и сразу ярче намѣтилась внутри каждой воюющей страны борьба двухъ силъ: имперіализма и демократіи. Стали отчетливы ихъ стремленія, и первой задачей для народовъ Европы оказалась переоцѣнка войны — и отказъ отъ нея!

II.

Сложна и запутана политическая жизнь въ наши дни; она—кладъ для будущихъ историковъ. Въ ней они станутъ находить богатый матеріаль для самыхъ сложныхъ построений. Намъ, современникамъ, трудно быть безстрастными аналитиками, трудно свободно разбираться въ сложной ткани событій. И все-таки „объясненіе“ войны и намъ нужно, — нужнѣе, чѣмъ потомкамъ.

Когда вы спросите у средняго русскаго социалиста: кому нужна война, каковъ ея смыслъ? — то вы услышите такія простыя объясненія: она вызвана волей господствующихъ классовъ, она нужна финансовому капиталу Германіи и Англіи. Во имя экономическаго господства въ мірѣ борются двѣ картели державъ: австро-германскій союзъ и кольцо согласія. Точно также и публицистъ, и политикъ, и экономистъ въ поискахъ причинъ великой войны находятъ ихъ въ характерѣ современнаго имперіализма.

Какъ и всякое понятіе, охватывающее историческую жизнь, имперіализмъ обозначаетъ очень сложную группу явленій. Какъ и всякое широкое историческое понятіе, онъ многозначенъ, не поддается точному опредѣленію. Здѣсь намъ придется коснуться лишь нѣкоторыхъ его сторонъ, остановиться на его политическомъ и экономическомъ смыслѣ.

Въ политической мысли мы можемъ намѣтить двѣ оцѣнки его: положительную и отрицательную. Положительную оцѣнку мы находимъ въ слѣдующемъ, на примѣръ, утвержденіи: имперіализмъ— это политическая система, задача которой—распространеніе данной государствен-

ной власти на другіе народы и племена путемъ завоеванія и культурнаго ассимилированія. При этомъ народъ-имперіалистъ обладаетъ значительно высшей культурой и большей политической силой, чѣмъ покоряемая нація. Имперіализмъ не примѣнимъ къ равнымъ по культурѣ народамъ.

Въ этомъ опредѣленіи — такомъ обычномъ — заключается нѣкоторое оправданіе имперіализма: онъ — дѣйствіе государства, обладающаго высшей культурой, и ей-да подчинится культура низшая! Съ этой точки зрѣнія признаковъ культурнаго превосходства характеренъ для имперіалистическаго государства.

Если принять это опредѣленіе, то придется признать, что имперіализмъ совершаетъ въ мірѣ очень тяжелую, но полезную миссію: вѣдь онъ заключается въ подчиненіи народу-генію малокультурныхъ племенъ.

Но послѣднимъ ненуженъ заемный, насильно навязанный свѣтъ чужой культуры: они могутъ загорѣться своимъ собственнымъ свѣтомъ.

Оправдывающіе имперіализмъ часто упускаютъ изъ виду, что исторія есть движеніе и творчество, и что народъ можетъ часто обладать скрытыми духовными силами. И для того, чтобы онъ проявился, вовсе не нуженъ мечъ Вильгельма и сотрудничество орудій Круппа. Пушки культуры не рожаютъ, онѣ ее убиваютъ.

И все-таки имперіализмъ какъ культъ великаго царства пока—это идея—сила, правящая толпой, массаами, даже народами. Она можетъ измѣнить лицо земли, можетъ толкать на подвигъ, на жертвы, на смерть: во имя Великаго Царства сладостно жить, радостно умереть?

Тяга къ такому царству теперь словно стихійно овладѣла людьми, и особенно Германіей. Нѣмцы и воюютъ оттого, что мало имъ мѣста подъ солнцемъ. Германіи необходимо, — утверждаютъ они, — преобразиться въ великое и потому живучее средне-европейское государство: она должна раскинуться отъ стальныхъ водъ Сѣвернаго моря до солнечныхъ равнинъ Мессопотаміи. Пусть это величіе, если оно станетъ историческимъ фактомъ, можетъ желѣзными цѣпями сковать народы, колючей проволокой ихъ опутать. Это не пугаетъ властителей думъ современной Германіи.

Не безъ поэзіи изображаетъ одинъ изъ нихъ грядущія цѣпи траншей вокругъ великой „Средней Европы“. Послѣ этой войны не наступитъ, конечно, вѣчный миръ. И траншея неизбежно станетъ основной формой защиты отечества. Цѣпи окоповъ окружаютъ новое Великое Царство. „Вокругъ него будутъ воздвигнуты римскіе валы и китайскія стѣны изъ желѣза и колючей проволоки“. Такія желѣзныя границы и должны отдѣлять одно государство отъ другого. Если подъ ненужными пирамидами полегли многія тысячи рабовъ, то за Великое Царство можно отдать цѣлыя гекатомбы жертвъ. Но жертвы эти оправданы: историческія судьбы требуютъ теперь созданія лишь великихъ царствъ!

Такъ до крайности доводятъ нѣмцы ту идею, что еще недавно, какъ Божій духъ, носилась надъ народами, дышала, гдѣ хотѣла: она звучала и въ національныхъ гимнахъ, и въ милліонахъ патріотическихъ стихотвореній, и въ безчисленныхъ статьяхъ публицистовъ.

Но царство должно быть великимъ не извнѣ, а „изнутри“.

Римскіе валы, китайскія стѣны, взоры ненависти великодержавныхъ легионовъ — все это лишь трагическая необходимость историческаго сегодня.

Не физически, но духовно можетъ притягивать великій народъ народы малые. Въ будущемъ тяга къ великой державѣ должна смѣниться тягой къ великой культурѣ. Духовное первородство, народная геніальность — вотъ что опредѣляетъ право на великую роль.

Земныя царства, даже огромныя, падали одно за другимъ, но царство культуры все росло да росло. А въ немъ малыя царства сыграли не меньшую роль, чѣмъ царства великія. Всякій народъ, всякое государство, — большое или малое, — все равно, можетъ, порой

совсѣмъ неожиданно, культурно расцвѣсти. И не столько пространство, территория, политическая роль, — сколько творческія достиженія будутъ мѣрой его величія!

Империализмъ, какъ насиліе надъ малыми или слабыми народами, оправданъ быть не можетъ. Интересамъ культуры, какъ свободнаго творчества народовъ, гораздо болѣе отвѣчаетъ демократическій принципъ — о правѣ всякаго народа на самоопредѣленіе.

III.

Историческое развитіе движется отъ ремесленной мозаики многихъ мелкихъ государствъ къ немногимъ великимъ міровымъ организмамъ, — къ государствамъ-картелямъ. Таковъ экономическій смыслъ империализма.

Дѣленіе націй на баловней и пасынковъ судьбы — неизбежно. Есть не только классы, есть „государства-буржуа“ и „государства-пролетаріи“. Первые — это царства империалистовъ, государства богатыхъ, съ высоко развитымъ промышленнымъ и финансовымъ капитализмомъ. Но капиталъ въ наши дни чувствуетъ себя слишкомъ тѣсно въ государственныхъ границахъ. Если онъ развивается такъ стремительно и быстро, какъ германскій, то внутренній рынокъ очень скоро оказывается насыщеннымъ и, слѣдовательно, невыгоднымъ. Оказывается, необходимымъ экспортъ, нужна бываетъ прочная связь съ другими странами — покупателями. Связь эта не всегда бываетъ свободной, наоборотъ, часто принудительной. Это принудительность выражается въ такъ называемой колониальной политикѣ; государство империалистическое силой присоединяетъ страны, бѣдныя промышленностью, но богатая произведеніями природы. Страны „аграрныя“ поэтому часто скованы принудительнымъ союзомъ съ „промышленными“. Судьба Индіи и Египта, Африки, Китая — все это однообразныя иллюстраціи къ этому закону. Кромѣ этого прямого подчиненія империалистическая держава подчиняетъ себѣ отсталыя страны и косвенно. Туда вывозятъ финансовый капиталъ: снабжаютъ займами южно-американскіе республики, Турцію и т. п., устраиваютъ желѣзныя дороги и т. д. Какъ извѣстно, Англія такъ помѣстила болѣе 30 милліардовъ рублей, Германія — 15 милліардовъ.

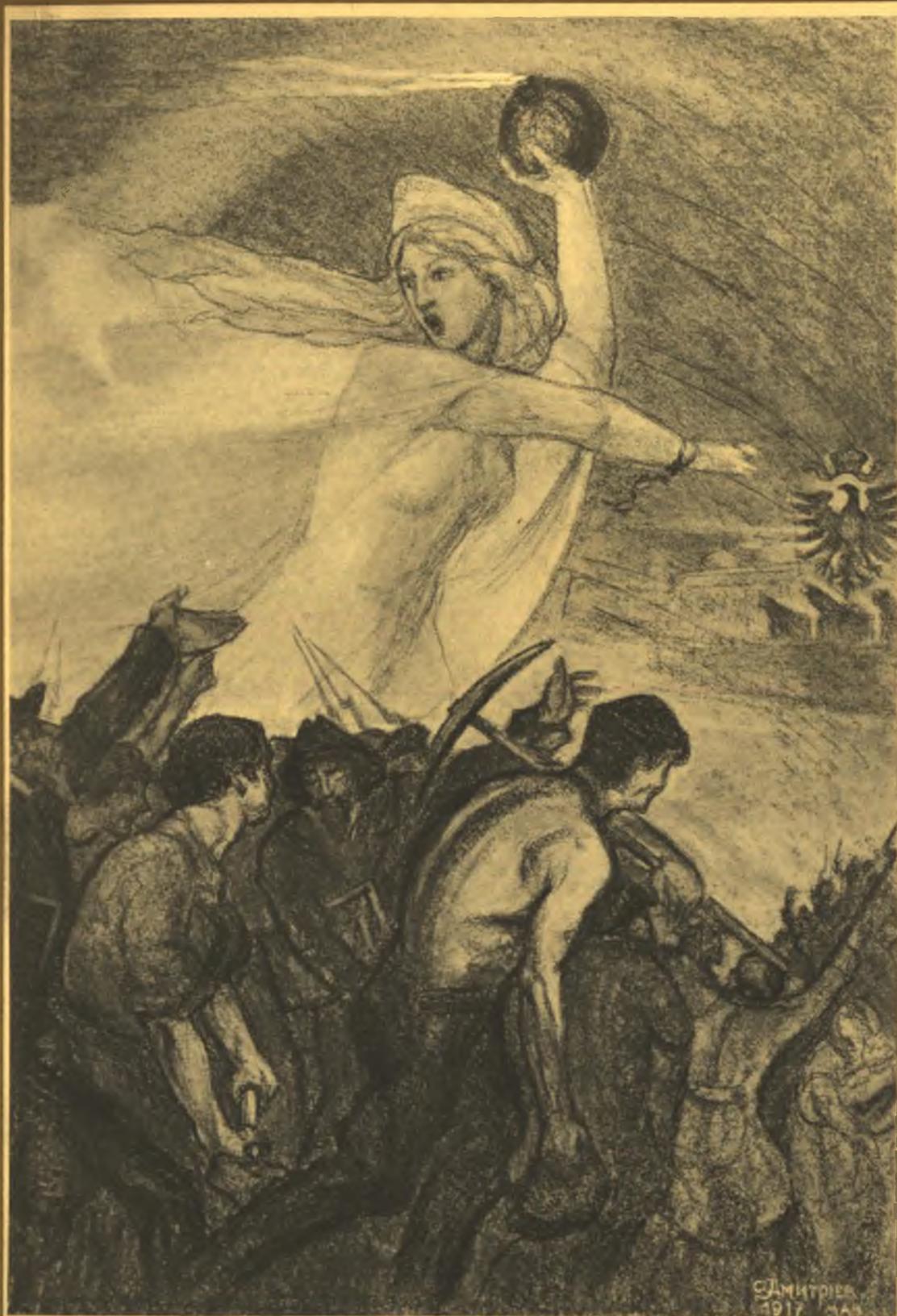
Такимъ образомъ буржуазія „великихъ“ державъ собираетъ медъ — прибавочную стоимость — воистину съ пролетаріевъ всѣхъ странъ. Капиталъ интернаціоналенъ; для него *ubi bene, ibi patria*.

Внутри каждой страны политическая власть буржуазіи и вообще господствующихъ классовъ, кромѣ законовъ экономическаго развитія, обеспечивается вооруженной силой — арміей.

Къ этой же силѣ ей приходится прибѣгать и въ области колониальной политики: постоянно отправляются экспедиціи въ Африку, Азію; и покоренная колонія — новое мѣсто сбыта для товаровъ, лишнее усиленіе могущества капиталистовъ. Поэтому есть несомнѣнно большая доля истины въ утвержденіи: „современная война — капиталистическое предпріятіе!“ Капитализмъ и милитаризмъ — это вѣчные спутники, неразлучные друзья. Недаромъ апологеты буржуазіи такъ упорно, съ такимъ энтузіазмомъ защищаютъ войну.

Паѳосъ современнаго милитаризма хорошо можетъ быть выраженъ словами прусскаго монарха XVIII в.: „Всѣ жители страны родились для ношенія оружія и обязаны подчиняться командѣ“... капиталистовъ. Вотъ чего въ наши дни добивалась, и отчасти уже добилась буржуазія великихъ державъ. Но одной „командой“ капиталистовъ не объяснить повсемѣстнаго „пріятія“ войны. У нея, очевидно, не одни экономическія корни, но и корни психологическія. Въ самомъ дѣлѣ, оправданіе войны никогда не было такъ обычно, какъ теперь. До русской революціи она повсюду встрѣчала пассивное непротивленіе и активное сочувствіе. Этотъ фактъ можно различно оцѣнивать. Гнѣвно, презрительно отнесется къ нему социалистъ, но положительно приметъ его империалистъ.

Антитеза: „дезаръ и рабъ“ потеряла свою остроту: рабъ въ Европѣ сталъ гражданиномъ и... все-таки принялъ войну. Очевидно, что „гражданинъ“ идетъ не только по волѣ власти, а

За свободу!

Рисунок С. Дмитриева.

часто во имя свободного „хочу“; идетъ потому, что отечество въ опасности, идетъ потому, что хочеть усилить его мощь. При этомъ въ его сознаниі въ наше время нѣтъ даже вѣры въ вѣчный Римъ, нѣтъ порой никакихъ религіозныхъ корней. Воины Корана, когда они шли на войну, могли свободно принять смерть: она лишь призракъ, иллюзія, путь къ совершенной жизни. Такого сознаниа нѣтъ у современнаго германца или француза: небо глухо къ его гибели, а отечество лишь похоронитъ его трупъ подъ деревяннымъ крестомъ или каской.

Отношеніе народовъ къ войнѣ теперь, когда потускнѣлъ ея религіозный вѣнчикъ, указываетъ на отсутствіе у многихъ чувства абсолютной цѣнности жизни. Жизнь можно прекратить даже во имя временныхъ цѣлей: „величія“ страны, что длится вѣка — не болѣе. Далѣе, смерть не самое страшное для человѣка. Жизнью онъ жертвуетъ во имя цѣлаго — „отечества“ — чаще, чѣмъ во имя свое, во имя „личной радости“ или счастья. „Государству“, „націи“, „народу“ кровавую жертву приносили и приносятъ миллионы!

Это фактъ, для нашихъ дней особенно характерный. Надо смѣло признать: имперіализмъ, облеченный въ маску патріотизма, у демократіи имѣлъ большій успѣхъ, чѣмъ социализмъ! Лозунгъ послѣдняго: у пролетарія одно истинное отечество — это интернаціональ, — вызывалъ лишь словесное сочувствіе. Лозунгъ „отечество въ опасности“ — напротивъ, собиралъ миллионы добровольцевъ-воиновъ. Послѣдствія этого увлеченія, этого опьяненія демократіи имперіализмомъ извѣстны: демократія приняла крестъ войны и въ первые годы — 1914 и 1915 — его бодро несла „разсудку вопреки“.

Если бы „вольный сынъ ээира“ пролеталъ надъ полями битвъ, улыбнулся бы онъ улыбкой мистической ироніи: „игрушечнаго дѣла людишки“ возьмется на поляхъ битвъ, убиваютъ другъ друга, умираютъ муравьиной смертью. Цѣли, во имя которыхъ умираютъ эти „бабочки-поденки“, такъ эфемерны, такъ призрачны. Ложно звучатъ ихъ лозунги: Великая Германія, Великая Англія, Великая Россія. Мгновенныя историческія поросли выдаются ими за вѣчныя; карликовыя цѣли — за гигантскія. „Войны: величавыя волны“ — лишь случайные всплески въ океанѣ вѣчности, люди — маріонетки, которыми правятъ карлы-великаны, исторія — трагическій водевиль!

Чашу смерти выпили миллионы солдатъ. Нужна ли была эта смерть для демократіи, для культуры? Нѣтъ! О, конечно, въ сознаниі иного солдата мелькала мысль: „умираю за отечество — во имя его спасенія“. Но часто это было объективно невѣрно. Пока политическая власть находится въ рукахъ господствующихъ классовъ, дипломатія — аристократична, ея пути и цѣли невѣдомы народнымъ массамъ; послѣднія оказываются лишь маріонетками въ рукахъ режиссеровъ войны. Не ими объявляется война: имъ о ней сообщается лишь тогда, когда она стала уже трагической необходимостью. А разъ пожаръ возникъ, надо бороться съ огнемъ, чтобы разбушевавшаяся стихія всего не уничтожила. Вильгельмъ II объявилъ войну, и демократія Германіи очутилась передъ угрозой: „казаки будутъ въ Берлинѣ“ — и приняла войну; узелъ былъ завязанъ, война втянула въ себя рядъ державъ, ей покорно подчинившихся. И любопытно: ни одна страна не хотѣла признать себя виновницей войны: виновныхъ нѣтъ — всѣ страны правы! Трагедія же была въ томъ, что народныя массы, у которыхъ есть еще право обсуждать налоги, законы и т. д., лишены права рѣшающаго голоса, когда ихъ миллионами обрекаютъ на закланіе короли, императоры, юнкера, финансисты. Вопросы войны и мира — смерти или жизни для многихъ миллионовъ людей — должны быть въ ихъ же рукахъ. „Правомъ на жизнь“ могутъ распоряжаться лишь тѣ, кто ее отдаетъ родинѣ. Никогда еще не была такъ оправдана идея народной милиціи и референдума, какъ теперь. Армія не должна быть въ рукахъ профессионаловъ войны, ея кадры не должны получать казарменнаго воспитанія, цѣль котораго — лишать солдата всякой инициативы, обезволить, и обезволеннаго легко принудить выступить на битву.

Несомнѣнно, что послѣ войны имперіализмъ и его вѣчный спутникъ — милитаризмъ пойдутъ на убыль. Здѣсь поневолѣ вспомнишь діалектику исторіи. Никакія воззванія, никакія резолюціи не смогли нанести имперіализму тотъ ударъ, который нанесенъ ему имъ же вызванной войной. Въ самомъ дѣлѣ, логика исторіи здѣсь совершила своеобразное *reductio ad absurdum*.

Война несомнѣнно была затѣяна капиталистами и юнкерами Германіи во имя мірового господства и тѣхъ выгодъ, которыя она должна была принести. Англія вступила въ войну потому, что она хотѣла сохранить уже достигнутую ею роль баловня исторической судьбы: ея буржуазія извлекаетъ прибыль съ полей, лѣсовъ и фабрикъ $\frac{1}{4}$ части земного шара. Молодой капитализмъ Германіи боролся со стариннымъ — англійскимъ. Въ этой борьбѣ за власть воюющія страны пришли къ парадоксальному положенію. Расширеніе власти финансоваго капитала, возможность свободной эксплуатаціи земледѣльческой и слабой Россіи увлекала Германію. *И на войну, которая для Германіи грозитъ кончиться безъ всякихъ аннексіи и контрибуцій, ей приходится расходовать сумму втрое большую, чѣмъ весь германскій капиталъ за границы: за возможное увеличеніе этихъ 30 милліардовъ марокъ ей пришлось потратить сто милліардовъ. Въ погонѣ за усиленіемъ мощи отечества пришлось его обезсилить — умертвить или искалѣчить чуть ли не каждую пятого взрослого нѣмца.*

Россіи, защитницѣ Сербіи, пришлось принести въ жертву во имя этой защиты втрое больше взрослыхъ людей, чѣмъ ихъ всего заключала защищаемая Сербія.

Австрія, во имя небольшихъ выгодъ, отъ пути къ Салоникамъ, разорила себя на десятки лѣтъ.

Въ этой войнѣ средства неизмѣнно оказываются дороже цѣлей: Россіи, говорятъ наши имперіалисты, нужны Константинополь и проливы. Но они нами еще не заняты. Значитъ — нужно продолжать войну, т.-е. уложить еще на поляхъ битвъ милліона два солдатъ, потратить еще 10—15 милліардовъ изъ средствъ нищей Россіи — и достигнуть возможности. . устроить новый Портъ Артуръ и, пожалуй, всѣ выгоды отъ этого новаго морского пути затратить на его оборону.

Франція теперь на третій годъ войны неустанно требуетъ Эльзасъ Лотарингію. Но, чтобы заставить Германію уступить силъ оружія, надо воюющимъ странамъ принести еще жертву Молоху войны, равную хотя бы населенію всего Эльзаса.

Англія требуетъ возстановленія Бельгіи за счетъ Германіи, — для этого надо продолжать войну еще полгода, скажемъ, и потратить на нее средства, достаточныя для того, чтобы воскресить десять Бельгій.

Такъ имперіализмъ съѣдаетъ самъ себя. И никогда еще такъ настоятельно, такъ опредѣленно передъ демократіей Европы не стояла задача:

Во имя культуры, во имя борьбы за цивилизацію демократія должна сбросить иго имперіализма и милитаризма. Во имя самосохраненія она должна это сдѣлать: нельзя, чтобы правительства расточали человѣческія жизни такъ же щедро, какъ и кредитныя бумажки.

Въ великой и страшной игрѣ жизнью народовъ европейская демократія можетъ проиграть все!

Не должны быть народы колодниками войны. А между тѣмъ для руководящихъ классовъ такъ характерно презрѣніе къ народнымъ массамъ. Во время войны и въ Англии, и въ Германіи, и во Франціи правительства успѣли отнять у своихъ народовъ чуть ли не всѣ гражданскія свободы: свободу слова, печати, стачекъ; сумѣли понизить заработную плату; не разъ стрѣляли въ голодающія толпы. Людямъ предоставили лишь свободу умирать на поляхъ битвъ. Германія, на примѣръ, ввела почти крѣпостное право для трудового народа.

Когда идеологи милитаризма утверждаютъ: „безъ войны міръ погрузился бы въ объятія матеріализма“, „война будетъ существовать до конца исторіи“, и когда генераламъ и профессорамъ вторятъ служители церкви: „наше тщательное изученіе исторіи и Библии привело

къ убѣжденію, что война между народами есть міровая необходимость“,— то, конечно, отъ этой „міровой необходимости“ страдаютъ, прежде всего трудящіеся классы. Они несутъ на себѣ всю тяжесть милитаризма, а блага его достаются власть имущимъ. Въ погонѣ за прибылью военно-промышленныя фирмы ведутъ преступную политическую агитацію, возбуждаютъ одну сторону за другой: эпоха организованнаго убійства—война — для нихъ эпоха большихъ прибылей. Общеизвѣстна исторія съ Круппомъ, заключившимъ сердечное соглашеніе съ военными чиновниками; посредствомъ подкупа, фирма друга императора получала копіи съ секретныхъ документовъ и пользовалась ими въ своихъ цѣляхъ. Но точно также, по признанію демократическихъ круговъ Англіи, британская нація находится въ когтяхъ военного треста, который столь же силенъ и антипатріотиченъ, какъ германскій.

Да, „эта война — не наша“, можетъ смѣло сказать демократія. Ея члены — люди труда, они производятъ и творятъ, а солдаты — разрушаютъ. Ни одна война не уничтожала такъ упорно и систематически, какъ эта „великая“ война.

Россіи она обойдется въ половину ея національнаго и безъ того недостаточнаго богатства. Въ меньшей степени обнищаютъ Германія, Англія и Франція, — но и имъ придется утроить налоги. И народъ, расплатившійся за войну милліонами своихъ сыновъ, будетъ еще долго платить недоѣданіемъ, почти голодомъ, усиленнымъ обложеніемъ, ослабленнымъ темпомъ культурнаго творчества.

И въ результатъ демократія должна, обязана будетъ признать: нѣтъ, эта война — не наша!

Англійскіе рабочіе очень рѣшительно приняли эту войну — и свою упорную волю и свою трудоспособность отдали на усиленіе обороны страны. Наблюдатели, отмѣчающіе ростъ военной промышленности, съ удивленіемъ указываютъ, какъ въ Англіи въ четыре мѣсяца среди пустыря вдругъ вырастаетъ городъ-заводъ, съ сотнями построекъ, со многими десятками тысячъ рабочихъ. За нимъ растетъ еще заводъ... еще... и еще... И всюду горы снарядовъ... горы труповъ черезъ нѣсколько дней. Все это производство орудій смерти, такъ гигантски растущее, не можетъ быть оправдано одними экономическими или политическими пріобрѣтеніями. Правда, удачна война можетъ — прямо или косвенно, какъ война 1871 года на примѣръ, — нѣсколько улучшить благосостояніе демократіи. Но неужели въ ея глазахъ — лишній клочокъ земли, ростъ комфорта можетъ оправдать, осмыслить милліоны жертвъ: труповъ, калѣкъ, безумныхъ!

Люди должны вѣдь не только принимать факты истеріи, но и осмысливать ихъ. Эту попытку дѣлаетъ одинъ изъ вождей войны — Ллойдъ-Джорджъ. Въ словахъ англійскаго министра выражается желаніе, которое раздѣлитъ съ нимъ и все культурное челоуѣчество. Не такъ давно черезъ газетный рупоръ онъ сказалъ всему міру: „На театрѣ военныхъ дѣйствій царитъ неопикуемый ужасъ. Мнѣ казалось, — я у преддверія ада: милліоны челоуѣческихъ жизней стремятся въ это пекло — и либо полягутъ костью, либо вернутся калѣками. Да будетъ эта война—войной послѣдней: подобныя картины никогда больше не должны повторяться на землѣ!“

Только эта цѣль и можетъ объяснить духъ британской арміи: ея солдаты не рыцари меча, но рыцари мира. Несомнѣнно, что именно это убѣжденіе собрало подъ британскія знамена пять милліоновъ добровольцевъ. Они тѣмъ болѣе могли повѣрить въ эту цѣль войны съ Германіей, что еще въ 1906 году Англія обращалась къ Германіи съ предложеніемъ остановить вооруженія — на что германское правительство отвѣтило въ томъ же году новымъ морскимъ законопроектомъ... Очень ясно и отчетливо мотивы такихъ предложеній Англіи изложены были уже въ 1913 году въ рѣчи министра Черчилля:

„Почему бы намъ не объявить въ дѣлѣ судостроенія праздника на годъ... пріостановить постройку судовъ. Это предложеніе не вноситъ никакого измѣненія въ относительную мощностъ флотовъ“.

Конечно, Германія не могла принять этого предложенія: голодный имперіализмъ ея никакъ не могъ найти пути къ примиренію съ сытымъ имперіализмомъ Англій. Вотъ почему и Ллойд-Джорджъ заблуждается, когда вѣрится въ сокрушеніе однимъ милитаризмомъ, англійскимъ, другого — германскаго, хотя бы послѣдній по мѣткому, но теперь Шейдеманомъ забытому выраженію, являлся *agent provocateur* міровыхъ вооруженій. Милитаризмъ не есть національное свойство, но свойство извѣстнаго общественнаго строя.

Въ отношеніяхъ между государствами господствуетъ *анархія*, подобно тому какъ она господствуетъ въ отношеніяхъ отдѣльныхъ предпріятій: буржуазное государство создаетъ и организуетъ внутри, но разрушаетъ во внѣ. Его заповѣдь: сохраняй свой народъ, уничтожай чужой. Эта международная анархія выражается въ борьбѣ за обладаніе рынками, какъ и конкуренція отдѣльныхъ предпріятій—въ борьбѣ за данный рынокъ. Частныя предпріятія, конкурируя другъ съ другомъ, развиваютъ свое производство безъ ограниченія и согласованія съ другими предпріятіями, безъ учета потребностей рынка. Оттого и возникаютъ мирные кризисы—перепроизводство товаровъ.

Конкуренція національныхъ капиталовъ побуждаетъ государство неограниченно развивать свою вооруженную силу — милитаризмъ, что неизбѣжно должно вести къ міровому военному кризису.

Но если такъ органична связь милитаризма съ буржуазнымъ строемъ, то онъ надломленъ будетъ тогда, когда приблизится послѣдній день капитализма. И надломаютъ его не добровольцы, одѣтые въ цвѣтъ хаки и воюющіе подъ знаменемъ Англій, но тѣ войны, для которыхъ красное знамя и лозунгъ „миръ и братство народовъ“ дѣйствительно дороже всего.

Какъ характерно, что всѣ воюющія правительства такъ неохотно и такъ недоброжелательно отвѣтили на призывъ петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Послѣдній въ своемъ воззваніи провозгласилъ какъ - будто пріемлемую для „антимилитариста“ Ллойда-Джорджа формулу мира: миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ. И, однако, такъ неизбѣжно было недоброжелательство союзныхъ правительствъ. Вѣдь эта формула прозвучала странной ироніей надъ политикой всѣхъ имперіалистовъ: послѣдніе ждали удачной войны, — войны до побѣды, — но „миръ въ ничью“ казался имъ особенно опаснымъ. Война тянулась годы и ничего не дала, вѣрнѣе — не дастъ: никакихъ „присоединеній“, никакихъ возмѣщений убытковъ. Правительства потратили многіе десятки миллиардовъ народныхъ денегъ, братскія могилы на поляхъ битвъ тянутся иногда на версты, и весь этотъ ужасъ, все это человѣкоистребленіе оказываются вдругъ вовсе ненужными. Принять такой миръ имперіалистамъ — это значитъ развѣнчать войну, выдать себѣ *testaemonium paupertatis*. И что отвѣтятъ тогда правительства, какъ оправдаютъ ужасную, но бесплодную войну? Характерно также, что присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи требуетъ теперь и значительная часть демократической Франціи, — а до войны идею реванша раздѣляли чуть ли не одинъ Поль Деруладъ и его немногіе сторонники. Англійскіе „рыцари мира“, не присоединяясь пока къ русской демократіи, требуютъ отъ Германіи возстановленія Бельгіи, и поэтому хотятъ продолжать войну. Между тѣмъ лишь недѣльный расходъ воюющихъ державъ уже смогъ бы возродить Бельгію.

Въ какихъ - то тенетахъ бьется пока демократія, — отъ нихъ ей надо освободиться. И пролетаріатъ возлагаетъ свои надежды на возрожденіе новаго, на этотъ разъ мощнаго Интернаціонала.

Прежній — обманулъ ожиданія. Въ 1912 году Базельскій конгрессъ социалистическихъ партій за два года до войны оптимистически утверждалъ: „Рабочій классъ и его парламентское представительство во всѣхъ странахъ, которымъ угрожаетъ война, обязаны принять всѣ мѣры, чтобы предотвратить взрывъ войны. Конгрессъ съ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ полное единодушіе социалистическихъ партій всѣхъ странъ въ войнѣ противъ войны“.

Прошли немногіе годы, и группа Либкнехта въ Германіи должна была установить слѣдующія пессимистическія положенія:

1. Міровая война уничтожила результаты сорокалѣтней работы социалистическихъ партій Европы, уничтожила ихъ престижъ.

2. Она разбила рабочій интернаціональ, бросила однихъ пролетаріевъ противъ другихъ, приковала надежды народныхъ массъ къ колесницѣ имперіализма.

Такая политическая позиція официальныхъ партійныхъ представителей воюющихъ странъ и въ первую голову Германіи, партія которой стояла до сихъ поръ во главѣ Интернаціонала, является измѣной основнымъ положеніямъ международнаго социализма.

Но если міровая война какъ будто уничтожила результаты многолѣтней работы социалистическихъ партій Европы, то она же ее возрождаетъ, дѣлаетъ небывало напряженной и мощной. Социалисты Россіи уже повели классовую борьбу противъ имперіализма. Къ нимъ медленно, но неуклонно присоединяются социалисты Запада. Паденіе социализма оказалось лишь шагомъ къ возрожденію, къ его восхожденію на высшую ступень. Пройденъ путь резолюцій, и борьба съ имперіализмомъ должна вступить на путь революціи. Слишкомъ долго демократія Европы бряцала своими цѣпями. И они привели милліоны ея сыновъ къ могиламъ. Смерть реально примирила и объединила пролетаріевъ всѣхъ странъ, но теперь должна ихъ объединять жизнь. Трудящіеся должны перестать быть рабами имперіализма. Такъ надѣются оптимисты социализма. Но какъ характерно, что рабъ чаще гибнетъ на войнѣ, а не въ возстаніи! И то, и другое можетъ вѣдь принести ему смерть, но въ бунтѣ, возстаніи ему нужно въ себѣ почувствовать владыку, а историческое воспитаніе не создавало этого чувства; оно и теперь слабо лишь намѣчается. Народовластіе все еще правовая теорія, а не политическая дѣйствительность. Нужно объявить войну войнѣ, но она лишь тогда увѣнчается успѣхомъ, приведетъ къ побѣдѣ, когда народу будетъ принадлежать вся полнота власти во внѣшней политикѣ!

Право обречь на смерть можетъ принадлежать лишь тѣмъ, кто во время войны прежде всего и чаще всего пьетъ чашу смерти до дна, т. е. трудящимся массамъ демократіи.

Демократія должна стать властной и лишь усиленіе борьбы за власть противъ имперіалистовъ и ея успѣхъ можетъ привести къ преодолѣнію милитаризма. Будетъ ли велика роль русской революціи въ жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, на западѣ, на это сейчасъ трудно отвѣтить, но одно несомнѣнно: если евангеліе милитаризма ярче всего исповѣдывалось Германіей, то евангеліе демократіи, ея заповѣдь — „миръ и братство народовъ“ — ярче всего проповѣдуется русскими социалистами.

Восторжествуетъ ли это евангеліе. Наступитъ ли послѣ войны новая эра міра и братства народовъ? Трудно на это отвѣтить. Скорѣе всего, что нѣтъ. Сами же социалисты связываютъ гибель милитаризма съ гибелью всего современнаго общественнаго строя. Но пока капитализмъ торжествуетъ лишь въ Европѣ, Сѣверной Америкѣ, отчасти въ Австраліи. Остальныя части свѣта дѣвственная почва для его завоеваній. Если послѣ великой войны и наступятъ сумерки милитаризма въ нищей Европѣ, то Японія или Америка, на примѣръ, станутъ странами его расцвѣта. Мы еще *въ началѣ* борьбы имперіализма и демократіи: не скоро еще начнется закатъ имперіализма, не скоро народы перестанутъ быть колодниками войны!

Н. Суринъ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕМОКРАТИИ.

Очеркъ французскихъ конституцій.

Статья академика М. М. КОВАЛЕВСКАГО.

Въ 40-хъ годахъ 18-го столѣтія Монтескье объѣхалъ большинство государствъ Европы, проводя въ нихъ долгіе мѣсяцы. Его сравнительно недавно обнародованный „Дневникъ путешествія“ свидѣтельствуетъ о томъ вниманіи, съ которымъ онъ относился къ нравамъ, обычаямъ и учрежденіямъ посѣщаемыхъ имъ странъ. Общее заключеніе, вынесенное имъ отъ этихъ странствій проглядываетъ уже въ текстѣ дневника, но законченный видъ оно получаетъ въ „Духъ Законовъ“ въ извѣстной фразѣ: „подобно тому, какъ рѣки текутъ въ море, европейскіе народы устремляются въ объятія абсолютизма“.

Это положеніе, вѣрное по отношенію къ сосѣдямъ Франціи на европейскомъ континентѣ, было особенно вѣрно въ примѣненіи къ ней самой. Монтескье заинтересовался причинами и ходомъ развитія неограниченной монархіи во Франціи, его частью законченные, частью незаконченные мемуары, также увидавшіе впервые свѣтъ недавно, свидѣтельствуютъ о томъ, что съ цѣлью выяснитъ себѣ самому причины усиленія власти королей, онъ охотно изучалъ источники, знакомясь съ исторіей Генеральныхъ Штатовъ и высшихъ судовъ королевства. И тѣ, и другіе въ разное время были ограничителями самодержавія. Генеральные Штаты, въ поворотные моменты народной жизни, стремились присвоить себѣ не однѣ законодательные функціи, но также контроль за администраціей, а иногда и выборъ извѣстной категоріи сановниковъ, всего чаще тѣхъ, которые завѣдывали государственной казной, взиманіемъ доходовъ и производствомъ затратъ. Такъ было, напр., въ эпоху столѣтней войны съ Англіей, плѣна короля Іоанна Добраго, когда въ 1355 г. Штаты провели выборъ каждымъ изъ сословій высшихъ управителей сборовъ, такъ называемыхъ *aides* или буквально „денежныхъ помощей“ правительства. Что касается до самаго размѣра этихъ „помощей“, ихъ распредѣленія и по-

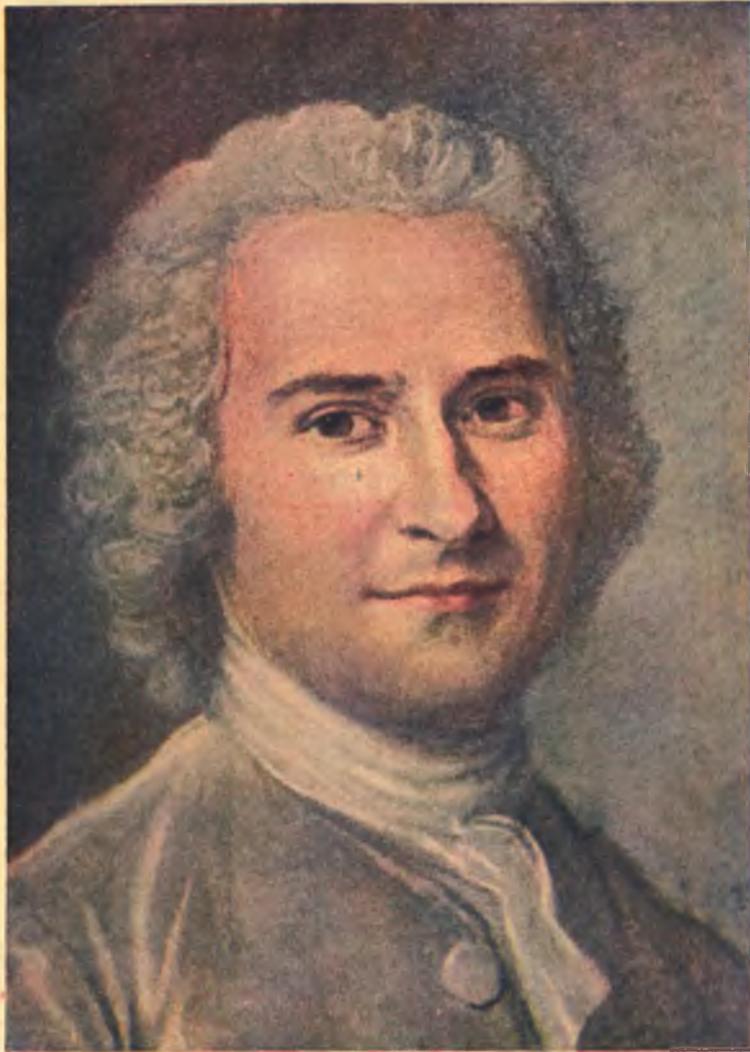
рядка взиманія, то всѣмъ этимъ завѣдывало сословное представительство, голосуя по своимъ камерамъ то, что мы нынѣ обнимаемъ понятіемъ бюджета. „Во всемъ христіанскомъ мірѣ,— писалъ современникъ Людовика XI Филиппъ де Коминъ, разумѣя однѣ католическія страны,— не найдется государства, въ которомъ бы правитель могъ облагать прямой податью своихъ подданныхъ, не получивъ на то предварительно согласія уполномоченныхъ отъ сословій“ Самый платежъ, производимый Штатами изъ народнаго кошель, носилъ названіе *don gratuit*— „добровольнаго подарка“. Три камеры, входившія въ составъ Штатовъ, камеры духовенства, дворянства и средняго сословія,—точнѣе, городской буржуазіи, въ отличіе отъ того, что мы видимъ нынѣ въ представительныхъ собраніяхъ, голосовали не иначе, какъ въ согласіи съ своими полномочіями, а слѣдовательно, и въ вопросѣ о налогахъ были связаны волею своихъ избирателей. Были случаи, когда они считали нужнымъ потребовать дополнительныхъ полномочій, прежде чѣмъ высказаться окончательно и утвердительно по отношенію къ финансовымъ требованіямъ правительства. При отчужденіи государственныхъ земель, такъ называемыхъ „доменовъ“, также испрашивалось согласіе сословныхъ палатъ. Онѣ призываются были къ поддержкѣ правительства и въ его спорахъ съ римской куріей, напр., изъ за порядка назначенія епископа. Онѣ дали свое согласіе на упраздненіе ордена тамплиеровъ— и на занятіе французскаго престола династіей Валуа, родственной въ мужской линіи вымершему роду Капетинговъ. Такое рѣшеніе, принятое въ 1338 г., опиралось на ложное толкованіе статьи Салической правды (древнѣйшаго закона франковъ) о наслѣдованіи въ недвижимомъ имуществѣ однихъ только мужчинъ.

Исключеніе женщинъ отъ престолонаслѣдія ихъ потомствомъ лишало англійскую правящую династію Плантагенетовъ возможности соединить подъ своею властью обѣ страны. Такимъ рѣшеніемъ Эдуардъ III оказался недовольнымъ, и началась сто лѣтъ длившаяся во Франціи война. Она происходила на ея почвѣ, обезлюдила и раззорила страну, сдѣлала союзъ Генеральныхъ Штатовъ сравнительно рѣдкимъ, вызвала къ жизни произвольные поборы правительства и усилила власть монарха въ ущербъ сословнымъ палатамъ.

Въ серединѣ XV в. англійскій писатель Фортескью, сопоставляя французскіе политическіе порядки съ тѣми, которые держатся въ его родинѣ, считаетъ Францію, въ отличіе отъ Англій, монархіей незаконнородною, т. е. неограниченной. Онъ ставитъ въ связь ея бѣдственное матеріальное положеніе съ произволомъ ея правителей, облагающихъ народъ чрезмѣрно натуральными и денежными поборами помимо Штатовъ. Во второй половинѣ того же столѣтія Штаты, созданные въ Турѣ, дѣлаютъ не только попытку возстановить законнородною порядкомъ управленія, но и высказываютъ устами нѣкоторыхъ изъ своихъ ораторовъ изъ среды буржуазной и судебной магистратуры взгляды, довольно сходные съ тѣми, какіе въ Англій проводилъ Фортескью, доказывая, что законъ стоитъ выше правителя и что монархъ долженъ считаться съ желаніями, выраженными уполномоченными отъ сословій.

Въ эпоху Возрожденія, совпавшую съ новыми войнами, на этотъ разъ съ Италіей, Генеральные Штаты собираются рѣдко и играютъ слабую роль въ общемъ направленіи политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней.

Ихъ значеніе оживаетъ въ третьей четверти XVI в., въ періодъ религіозныхъ войнъ католиковъ съ кальвинистами. Одинъ изъ участниковъ этихъ Штатовъ, Штатовъ 1560 г., въ своихъ „Шести книгахъ о республикѣ“ признаетъ за сословными палатами рѣшающій голосъ въ вопросахъ налогового обложенія, совѣщательный во всемъ, что касается законовъ, и сосредоточиваетъ всю полноту исполнительной власти въ рукахъ короля и свободно назначаемыхъ имъ высшихъ сановниковъ. Въ дѣйствительности законодательная власть Штатовъ сводилась къ составленію такъ называемыхъ „тетрадей жалобъ и представлений“ (*cahiers de doléances et de remontrances*). Каждое сословіе представляло свою собственную тетрадь. Король обыкновенно уже послѣ роспуска Штатовъ издавалъ такъ называемый „ордонансъ“, въ которомъ удовлетворялись нѣкоторыя, далеко не всѣ, изъ заявленныхъ ему ходатайствъ.

Руссо.

Въ отличіе отъ ордонансовъ, которые вызывались къ жизни инициативою сословныхъ палатъ, эдикты и рѣшенія королевскаго совѣта отвѣчали нашему понятію „именныхъ указовъ“. Нельзя установить точнаго разграниченія между вопросами, рѣшеніе которыхъ предоставлено было ордонансамъ, и тѣми, какіе регулировались эдиктами и постановленіями королевскаго совѣта. Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, короли въ разное время, избѣгая созыва Генеральныхъ Штатовъ, обращались съ своими, обыкновенно денежными требованіями, къ штатамъ провинціальнымъ, построеннымъ на томъ же сословномъ началѣ, что и Генеральные. Созывъ провинціальныхъ Штатовъ не сопровождался изданіемъ ордонансовъ и установленіе общеобязательныхъ нормъ совершалось путемъ широкаго пользованія королемъ его указнымъ правомъ въ формѣ эдиктовъ и постановленій королевскаго совѣта.

Въ послѣдній разъ Генеральные Штаты до революціи созываются въ 1614 г.; ихъ распускаютъ подъ предлогомъ—положить конецъ возникшему столкновенію между сословіями

*Клятва въ „Леп де Раинт“ (20 іюня 1789 г.)
Съ картины Давида.*

Дворянство сочло себя обиженнымъ прозвищемъ „старшихъ братій“, какое дали ему нѣкоторые ораторы буржуазіи. Принимавшій участіе въ Штатахъ 1614 г., будущій кардиналъ Ришелье въ роли министра Людовика XIII кладетъ во Франціи прочныя основы чиновнаго государства. Онъ усиливаетъ дѣятельность королевскаго совѣта, подчиняетъ ему посланныхъ въ провинцію комиссаровъ, нерѣдко взятыхъ изъ среды тѣхъ *maîtres de requêtes* своего рода дьяковъ, которые докладываютъ дѣла членамъ совѣта. Эти комиссары получаютъ названіе интендантовъ юстиціи, полиціи и финансовъ, переносятъ въ свои руки значительную часть дѣлъ, ранѣе порученныхъ губернаторамъ провинціи, всего чаще принадлежащихъ къ родовитымъ французскимъ семьямъ, и становятся настоящими „фактотумами“, прототипами тѣхъ префектовъ, которые созданы были Наполеономъ и доселѣ остаются высшими управителями департаментовъ, со времени революціи замѣнившихъ собою дѣленіе Франціи на провинціи.

Въ тѣ 175 лѣтъ, которые отдѣляютъ послѣдній созывъ Генеральныхъ Штатовъ отъ начала революціи, нѣкоторый контроль за законодательной и финансовой дѣятельностью короля,

его совѣта и чиновниковъ, обнаруживаютъ высшія судебныя палаты королевства, извѣстныя подъ названіемъ парламентовъ, счетныхъ палатъ, палатъ денежныхъ сборовъ. Мы находимъ ихъ обособленными или слитыми въ одно учрежденіе во многихъ областяхъ Франціи. Наибольшее политическое значеніе играютъ, однако, парижскія палаты, при чемъ уголовная и гражданская подсудность принадлежитъ парламенту. Вопросы, связанные съ налоговымъ обложеніемъ вѣдаются палатой денежныхъ сборовъ, а государственный контроль осуществляется счетной палатой. Не упоминаю еще о палатѣ, завѣдующей управленіемъ доменовъ, такъ называемой *chambre du tresor* и о палатахъ, завѣдывавшихъ, одна—монетнымъ дѣломъ, другая—управленіемъ водъ и лѣсовъ, такъ какъ онѣ по самому характеру своихъ функцій не были призваны къ вмѣшательству въ дѣла внутренней политики.

Контроль, осуществляемый парламентами, счетными палатами и палатами денежныхъ сборовъ за законодательной и финансовой дѣятельностью правительства, связанъ былъ съ ихъ правомъ руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ только тѣми законами, которые вписаны были въ ихъ регистры. Прежде, чѣмъ производить такія записи, названныя палаты подвергали вновь изданныя правительствомъ общеобязательныя нормы строгому разбору съ точки зрѣнія ихъ законмѣрности; другими словами, онѣ спрашивали себя, въ какой мѣрѣ вновь изданные указы и постановленія государственнаго совѣта не противорѣчатъ всему предшествующему законодательству, не отмѣняютъ его основныхъ началъ. Въ случаѣ открытія такого противорѣчія палаты обращали на нихъ вниманіе правительства представляли свои *remontrances*, своего рода протесты. Высшее начальство могло согласиться или не согласиться съ этими представленіями. Въ случаѣ несогласія король, окруженный придворными чинами и стражей, являлся въ парламентъ и отдавалъ личный приказъ о внесеніи заподозрѣннаго въ его законмѣрности указа или постановленія совѣта въ протоколы палаты. Личная явка короля, извѣстная подъ названіемъ *lit de justice*, буквально „кровати правосудія“, замѣнялась отдачею его именемъ того же приказа однимъ изъ высшихъ сановниковъ или министровъ, всего чаще за послѣдніе годы—генеральнымъ контролеромъ финансовъ или канцлеромъ королевства (своего рода министрами финансовъ и юстиціи).

Въ 1648 г. и въ слѣдовавшіе затѣмъ годы, когда во Франціи вспыхнуло своего рода революціонное движеніе, въ которомъ знать и судебная магистратура играли главную роль, арпижскій парламентъ и по его примѣру нѣкоторыя изъ областныхъ, стали присваивать себѣ, по выраженію современниковъ, права какихъ то уменьшенныхъ Генеральныхъ Штатовъ (*états généraux aux petits pieds*). Это движеніе съ измѣнчивыми судьбами продолжалось во всю эпоху регентства матери Людовика XIV, Анны Австрійской и высшаго руководства страню ея главнымъ министромъ, кардиналомъ Мазарини. Оно окончательно прекратилось съ достиженіемъ Людовикомъ XIV совершеннолѣтія. Явившись лично въ парламентъ, онъ приказалъ ему внести въ свои регистры новые эдикты, имъ оспариваемые. При этомъ якобы произнесены были молодымъ монархомъ достопамятные слова: „государство—это я“, въ чемъ, впрочемъ, было высказано сомнѣніе нѣкоторыми новѣйшими историками. Такъ какъ все движеніе, не поддержанное народомъ, окончилось неудачей, то оно прослыло подъ названіемъ „фронды“, т. е. дѣтской игры, а Людовикъ XIV своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ оправдалъ влагаемая ему въ уста слова. Одно упоминаніе о Генеральныхъ Штатахъ и пользѣ ихъ созыва способно было вызвать его неудовольство. Это испыталъ на себѣ Расинъ незадолго до своей кончины. Абсолютный образъ правленія и чиновное государство вполнѣ упрочились во Франціи въ продолжительное правленіе „короля солнца“. Многочисленныя и въ концѣ концовъ неудачныя войны, имъ веденныя, разорили страну и заставили регента Филиппа Орлеанскаго въ малолѣтствѣ внука покойнаго короля, поднять въ государственномъ совѣтѣ и въ средѣ высшихъ сановниковъ вопросъ о политической реформѣ. Въ это время въ Швеціи, и на континентѣ Европы завелась коллегіальная система, перенесенная между прочимъ и къ намъ по

совѣту Лейбница Петру Великому. Сторонникомъ коллегіальной системы выступилъ во Франціи аббатъ Сень-Пьеръ съ своимъ сочиненіи: *Policynodie*, что въ переводѣ значитъ „множественность совѣтовъ“. Нѣкоторые шаги въ этомъ отношеніи были уже предприняты, когда неожиданная кончина герцога Орлеанскаго положила конецъ всякимъ дальнѣйшимъ проектамъ реформы.

Въ малолѣтство Людовика XV преемникъ герцога Орлеанскаго, оставшійся главнымъ министромъ короля и послѣ достиженія имъ совершеннолѣтія, — я разумѣю аббата Флери, — управлялъ страной на началахъ неограниченности монаршей власти. При немъ ожила система *lettres de cachet*, которыми, помимо всякаго суда, препровождались не столько въ тюрьмы, сколько въ крѣпости всѣ заслужившіе недовольство начальства и власть имѣющихъ. Въ числѣ ихъ оказался и молодой Аруэ, впослѣдствіи всемірно извѣстный подъ именемъ Вольтера. Послѣ своего освобожденія онъ поспѣшилъ покинуть страну, переѣхавъ въ Лондонъ и провель тамъ нѣсколько лѣтъ. Его философскія письма впервые познакомили Францію не только съ системой Ньютона, но и съ преимуществами англійской свободы, которая, по мнѣнію Вольтера, лежитъ не столько въ

существованіи парламента, сколько въ невозможности лишить кого либо свободы безъ суда, въ автономіи личности и въ связанной съ нею свободѣ мысли и слова, какъ устнаго, такъ и печатнаго. Монтескье, посѣтившій Англію десять лѣтъ спустя послѣ Вольтера, восполнилъ начертанную послѣднимъ картину англійскихъ вольностей — описаніемъ тѣхъ отношеній, которыя, по его мнѣнію, существуютъ между королемъ и парламентомъ. Расходясь въ своей оцѣнкѣ этихъ отношеній съ философомъ Дж. Локкомъ, который еще въ

*Взятіе Бастиліи 14 іюля 1789 г.
Съ современной гравюры.*

1689 г., вслѣдъ за второй англійской революціей, отмѣтилъ перевѣсъ парламента надъ королемъ, законодательной власти надъ исполнительной, Монтескье счелъ возможнымъ построить всю англійскую политическую свободу на началѣ раздѣленія и равновѣсія властей, при которой одной власти дается задерживающее вліяніе по отношенію къ другой. Такъ, король своимъ veto можетъ задержать законодательную дѣятельность парламента, а послѣдній широкимъ пользованіемъ своими бюджетными правами можетъ ограничить произволь исполнительній власти, послѣдняя, въ свою очередь, поставлена подъ контроль судовъ, — блюстителей закона. Воскрешая ученіе писателей древности о преимуществахъ смѣшанной формы правленія надъ простой, Монтескье восполнилъ картину англійскихъ порядковъ указаніемъ на то, что и въ законодательствѣ англичане произвели раздѣлъ между аристократіей и народомъ, создавъ рядомъ съ палатой общинъ особую палату лордовъ.

Теорія Монтескье показала его современникамъ совершеннымъ откровеніемъ. Ее популяризировалъ швейцарецъ Дельольмъ въ своемъ сочиненіи „Объ англійской конституціи“ и англичанинъ Блэкстонъ, въ своихъ „Комментаріяхъ на англійскіе законы“, переведенныхъ, впрочемъ, не полно на рядъ иностранныхъ языковъ, начиная съ французскаго и оканчивая русскимъ.

Знакомство съ англійскими порядками на основаніи указанныхъ сочиненій и многочисленныхъ статей и брошюръ, вызванныхъ ими къ жизни, создало въ просвѣщенныхъ кругахъ

Франціи теченіе, благопріятное новому созыву Генеральныхъ Штатовъ и ихъ реформъ по образу англійскаго парламента.

Участіе, принятое французскими добровольцами, а затѣмъ и французской арміей въ вооруженномъ возстаніи американскихъ колоній противъ метрополіи, позволило французамъ познакомиться съ попыткой практическаго примѣненія теоріи Монтескье, какъ при организаціи правительства въ отдѣльныхъ штатахъ, такъ и въ самой федераціи. Оказалось, что англійскія начала примиримы и съ демократическими порядками, а это усилило въ средѣ передовыхъ умовъ стремленіе къ политическому перевороту, но не въ смыслѣ созданія во Франціи ограничивающей короля власти дворянства, и безъ того сдѣлавшагося ненавистнымъ, а въ смыслѣ передачи законодательныхъ функцій палатѣ народной, отвѣчающей, хотя бы изъ-далека тому идеалу народнаго самодержавія, который провозглашенъ былъ въ началѣ

шестидесятыхъ годовъ XVIII в. проживавшимъ въ Парижѣ женеццемъ Ж. Ж. Руссо, авторомъ трактата: „Общественный договоръ“.

Новый король Франціи Людовикъ XVI, принужденный бороться и съ обѣднѣніемъ страны, благодаря неудачнымъ войнамъ его предшественниковъ съ Англіей и вызванному ими гнету налоговъ, и съ послѣдствіями цѣлаго ряда неурожайныхъ лѣтъ, и съ тѣмъ упадкомъ французской промышленности (въ особенности — текстильной), какой вызванъ былъ заключеніемъ торговаго договора съ несравненно лучше оборудованной въ техническомъ отношеніи Англіей на началахъ свободной торговли, рѣшилъ послѣдовать совѣту парижскаго парламента и созваннаго имъ собранія нотаблей и созвать Генеральные Штаты, не отмѣненные закономъ, но ни разу не собираемые съ 1614 г.

Эти Генеральные Штаты, самовольно обратившіе себя въ единое учредительное собраніе

взамѣнъ сословныхъ палатъ, голосовавшихъ каждая въ отдѣльности, выработали по времени первую французскую конституцію, конституцію 1791 г., болѣе жизненную, чѣмъ привыкли говорить о ней, такъ какъ она доселѣ лежитъ въ основѣ государственнаго строя Норвегіи.

I.

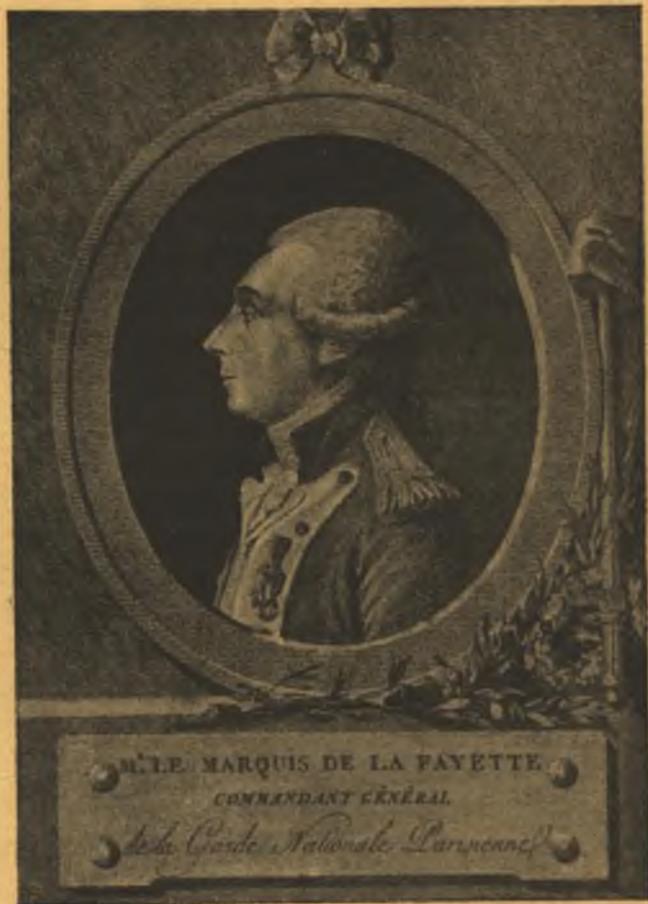
Эта конституція всецѣло построена на началѣ раздѣленія властей: монарху — власть исполнительная, единой палатѣ представителей народа — законодательная, судьямъ — судебная. И пусть судьи не мѣшаются въ административную, а назначенные королемъ министры не ходятъ въ законодательное собраніе. Еще хуже было бы, если бы король вздумалъ брать ихъ изъ среды самихъ законодателей. Одинъ Мирабо думаетъ обратное. Но братья Ламеты и слышать не хотятъ этого честолюбца и тайнаго заговорщика. Мирабо распинается за принципъ, предлагая палатѣ вотировать, что онъ никогда не будетъ министромъ. Но кто же вѣрить его принципиальности! Ламеты торжествуютъ побѣду, а съ ними и начало не только раздѣленія, но и обособленія властей. Менѣе согласно съ теоріей проходитъ вопросъ о томъ, какое veto предоставитъ королю. Въ Англіи вопросъ этотъ рѣшенъ исторіей. Съ 1714 г., года смерти королевы Анны, англійскіе короли ни разу не отмѣняли прошедшаго черезъ палату билля. Ихъ право не отмѣнено закономъ; „оно спитъ“, по картинному выраженію юристовъ. А кто спитъ, — тотъ можетъ и проснуться. И это не стоитъ внѣ сферы возможности. Попробуй

Мирабо.
Съ пастели Гунье.

палаты отмѣнить королевскую власть, и съ veto повторилось бы то же, что случилось съ Иллей Муромцемъ, проспавшимъ, впрочемъ, не 200 съ лишкомъ лѣтъ, а всего 33 года.

Послѣ долгихъ преній рѣшили дать королю veto, но не то, какое въ теоріи принадлежитъ англійскому монарху, а то которымъ пользуется президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, — veto суспензивное. Если два ближайшихъ законодательныхъ собранія представятъ на его подпись утвержденный ими законопроектъ, буквально воспроизводящій ранѣе имъ отвергнутый, король будетъ признанъ давшимъ свою санкцію. (Секція III, §§ 1 и 2). Отступили отъ Монтескье въ вопросѣ о veto, не послѣдовали за нимъ, и когда рѣчь зашла о правѣ войны и мира. Ни война не можетъ быть объявлена безъ декрета законодательнаго собранія, ни миръ заключенъ и трактатъ подписанъ безъ его ратификаціи. (Гл. III, секція I, ст. 2). Во всемъ остальномъ власть исполнительная принадлежитъ королю всецѣло. Онъ и назначаетъ министровъ, и даетъ имъ отставку по произволу. Но подъ однимъ условіемъ: министрами не могутъ быть ни члены палаты, ни члены кассационнаго суда. Это считалось бы такимъ же фаворитизмомъ — по отношенію къ народнымъ представителямъ, какъ и награжденіе и дарами и пенсіями. Два года спустя послѣ потери ими депутатскихъ полномочій они все еще лишены этихъ льготъ. Какъ зависимые въ самомъ своемъ бытіи отъ монарха, министры не могутъ быть политически отвѣтственными передъ палатами. Для нихъ существуетъ одна судебная отвѣтственность. Каждый приказъ короля долженъ быть подписанъ министромъ вслѣдъ за монархомъ, какимъ именно, это зависитъ отъ самого содержанія приказа. Словесный приказъ короля не можетъ освободить министра отъ отвѣтственности въ большей степени, чѣмъ приказъ писанный; такимъ образомъ, скрѣпа не есть ближайшій источникъ отвѣтственности. Достаточно незаконности проводимаго имъ въ жизнь королевскаго приказа, чтобы открыть возможность судебного преслѣдованія. Конституція перечисляетъ, однако, тѣ случаи, въ которыхъ такое преслѣдованіе неизбежно. Министры отвѣтственны за всѣ проступки, ими совершенные противъ національной безопасности и конституціи, за всякое посягательство на собственность или индивидуальную свободу, за всякую растрату средствъ, присвоенныхъ тому вѣдомству, во главѣ которыхъ они стоятъ. Но министерская отвѣтственность наступаетъ не раньше, какъ послѣ декретирования ея законодательнымъ собраніемъ. При вступленіи въ должность министры приносятъ гражданскую присягу. Ихъ судебная отвѣтственность не прекращается съ оставленіемъ должности, но она наступаетъ только въ случаѣ, если ихъ поведеніе носитъ преступный характеръ. О солидарной отвѣтственности министровъ ни слова, и по понятной причинѣ. Король не обязанъ брать ихъ изъ людей, раздѣляющихъ одни и тѣ же

Маркизь Лафайетъ

взгляды на политику. Учредители не терпят партийности и далеки от мысли рекомендовать ее монарху. Партийность неразрывно связана, а сь нею вмѣстѣ и солидарность сь однимъ парламентскимъ режимомъ, при которомъ министры берутся королемъ или президентомъ изъ численно-господствующей партіи. Гдѣ нѣтъ такого порядка, тамъ король при выборѣ министровъ руководствуется однимъ собственнымъ сужденіемъ о способности и честности призванныхъ имъ къ власти людей.

Обособленіе властей проведено конституціей 1791 г. и въ томъ смыслѣ, что у короля и его министровъ, не въ примѣръ Англіи, отнято право законодательнаго почина. Король можетъ только предложить собранію принять во вниманіе тотъ или иной вопросъ. Это прямо постановляетъ III-я гл., секція I, ст. I. Законодательное собраніе одно опредѣляетъ и размѣръ налогового обложенія, и распредѣленіе прямой подати между департаментами. Оно одно устанавливаетъ контингентъ военныхъ и морскихъ силъ, жалованье солдатамъ, порядокъ производства рекрутскаго набора, порядокъ допущенія къ службѣ въ арміи и флотѣ, и порядокъ движенія по службѣ. Оно одно даетъ согласіе на отчужденіе государственныхъ земель или доменовъ.

Верховная исполнительная власть считается принадлежащей всецѣло королю. Онъ — глава всей гражданской администраціи, арміи и флота. Ему делегирована, гласитъ глава 4-я, ст. 1-я, забота о внѣшней безопасности королевства, охраненіе правъ и владѣній, поддержаніе порядка и общественнаго спокойствія. Что касается до судебной власти, то она также обособлена отъ остальныхъ. Она ни въ какомъ случаѣ, гласитъ гл. 5, ст. I, не можетъ быть осуществляема ни законодательнымъ собраніемъ, ни королемъ. Ввѣряется осуществленіе суда избираемымъ народомъ на срокъ судьямъ. Король не можетъ отказать въ ихъ утвержденіи. Они не могутъ быть ни отставлены отъ своей должности, ни приостановлены въ отправленіи обязанностей иначе, какъ въ случаѣ проступка, за которымъ послѣдуетъ осужденіе. Это — англійскій принципъ несмѣняемости судей. Самъ государственный обвинитель выбирается народомъ. Суды не могутъ, гласитъ гл. III, вмѣшиваться въ дѣятельность законодательной власти, или останавливать исполненіе законовъ; они не могутъ также предпринять чего-либо въ сферѣ функцій административныхъ, или привлечь администраторовъ къ себѣ на разбирательство за дѣйствія, совершаемыя ими по должности. Эта статья заслуживаетъ того, чтобы мы на ней остановились. Она проводитъ до крайности начало обособленія властей и лежитъ поэтому въ основѣ того афоризма французскаго административнаго права; который гласитъ: „ходъ администраціи не долженъ быть прерванъ судомъ“. (*Le cours de l'administration ne doit pas être interrompu par la justice*).

Чтобы понять происхожденіе такой статьи, надо имѣть въ виду составившееся предубѣжденіе не только противъ верховныхъ судебныхъ палатъ, часто тормазившихъ реформы, и въ частности парламентовъ сь ихъ правомъ регистраціи и протестовъ, но и противъ подчиненныхъ имъ инстанцій административно-судебнаго характера, которыя въ несовершенной, правда, формѣ проводили въ жизнь тотъ судебный контроль за случаями превышенія власти или нерадѣнія, который въ Англіи достигается просто тѣмъ, что должностное лицо можетъ быть привлечено къ отвѣтственности потерпѣвшимъ въ гражданскомъ или уголовномъ порядкѣ, какъ и частное лицо не только за его частное поведеніе, но и за дѣйствія, совершенныя имъ по службѣ.

Конституція 1791 г., такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи не только не дѣлала шага впередъ въ смыслѣ насажденія законности, но обнаруживала въ этомъ вопросѣ попятное движеніе. Имъ сумѣлъ воспользоваться будущій реформаторъ Франціи — Наполеонъ, вернувшійся къ прежнимъ порядкамъ административной юстиціи, осуществляемой интендантами, только переименованными имъ въ префектовъ, и королевскаго совѣта, обращеннаго имъ въ государственный. Мало этого. Административная опека, созданная 75 ст. консульской

конституції, согласно которой безъ предварительнаго разрѣшенія гос. совѣта органы исполнительной власти не могутъ быть привлечены къ судебной отвѣтственности, имѣетъ свои глубокіе корни въ только что приведенной нормѣ конституції 1791 г. Эта 75 статья переходила изъ однихъ учредительныхъ законовъ въ другіе до тѣхъ поръ, пока временное правительство, созданное послѣ паденія Наполеона III, не рѣшило отмѣнить его.

Конституція 1791 г. не ограничилась однимъ устройствомъ публичныхъ властей по началу не только раздѣленія ихъ, но и обособленія. Она еще приняла дѣятельные шаги къ тому, чтобы обезпечить свободу личности, ея физическихъ и нравственныхъ проявленій, а также равенства гражданъ передъ закономъ. Оба начала проведены были еще въ осенніе мѣсяцы 1789 г. въ формѣ „Декларации правъ челоуѣка и гражданина“. Эта декларация, подвергнутая жестокой критикѣ англійскаго публициста Бэрка, а затѣмъ Іереміи Бентама въ его „Анархическихкихъ софизмахъ“, во-первыхъ, не отличалась той оригинальностью, какую ей обыкновенно

*Отказъ отъ феодальныхъ привилегій. (Засѣданіе въ ночь 4 августа 1789 г.)
Съ картины Муне.*

приписываютъ, а во-вторыхъ, вполне отвѣчала исторической необходимости переживаемаго Франціей момента — отмѣны феодальнаго строя и перехода къ правовымъ порядкамъ. Отдаленными предшественниками этой декларации надо считать, не говоря уже о „Соглашеніи англійскаго народа“, — частномъ актѣ, вышедшемъ изъ среди левеллеровъ или уравнителей середины XVII в. въ Англійи, рядъ биллей о правахъ, включенныхъ въ тексты конституцій отдѣльныхъ американскихъ штатовъ, и въ частности тотъ, какой представляетъ конституція штата Виргиніи.

Эти билли и доселѣ воспроизводятся учредительными законами, какъ новыхъ штатовъ, такъ и тѣми, которые въ тринадцать первоначальныхъ иногда принимались на смѣну прежнимъ. Въ нихъ еще съ большими подробностями, чѣмъ во французской „Декларации правъ“ нормируются такъ называемыя „субъективныя права“ гражданъ или по французскому выраженію „необходимыя вольности“. Американцы при этомъ не отказываются и отъ метафизическаго обоснованія этихъ правъ, говоря напр., какъ это сдѣлано было ими въ „декларации

независимости“, о правѣ на жизнь, свободу и даже на достиженіе счастья. Французы 1789 г. въ этомъ отношеніи мало чѣмъ превзошли ихъ, объявляя въ первой же статьѣ „Декларациі“, что „люди рождаются и пребываютъ свободными и равными въ правахъ“. „Соціальные различія не могутъ имѣть другого основанія, кромѣ общей пользы“. Нѣкоторые параграфы носятъ на себѣ отпечатокъ доктринъ 17 и 18 вв., въ числѣ ихъ доктрины Дж. Локка о томъ, что задачей государства должно быть обезпеченіе, какъ онъ выражался, собственности, въ понятіе которой включается была имъ и свобода личной дѣятельности человѣка, въ частности, свобода передвиженія, выбора занятій, съ вытекающими отсюда послѣдствіями, въ числѣ ихъ невозможности задержанія кого либо безъ суда. Вторая статья объявляетъ: „Цѣль всякаго политическаго сообщества, сохраненіе, естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка“. Эти права — свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію.

3-я ст. является сжатой передачей ученія Ж. Ж. Руссо о народномъ самодержавіи. Отсюда тотъ выводъ, что никакая власть не можетъ имѣть другого источника; отсюда, до признанія предрержащихъ властей, не исключая и короля, простыми уполномоченными народа, — одинъ только шагъ. А такіе уполномоченные всегда могутъ быть какъ лишены при недовольствѣ ихъ поведеніемъ даннаго имъ мандата, такъ и привлечены къ отвѣтственности. Законодательное собраніе, дѣйствовавшее на основаніи конституціи 1791 г., не нарушая послѣдней, могло поэтому удалить Людовика XVI съ престола и привлечь его къ суду. Опредѣленіе того, чѣмъ надо считать свободу, весьма близко къ тѣмъ рѣшеніямъ, какія давала этому вопросу теорія такъ называемаго естественнаго права. Границей свободы является возможность нанесенія личнымъ дѣйствіемъ вреда другимъ. Человѣку дозволено дѣлать все, что лежитъ въ этихъ границахъ. При пользованіи естественными правами, человѣкъ не долженъ переступать тѣхъ предѣловъ, которые обезпечиваютъ пользованіе правами другимъ членамъ общества, опредѣленіе же этихъ границъ принадлежитъ закону. Законъ вправѣ воспрепятствовать только дѣйствіямъ, вреднымъ для общества. Все, что не запрещено закономъ, не можетъ встрѣтить препятствія. Никого также нельзя принудить къ тому, чего законъ не повелѣваетъ. Самое опредѣленіе закона заимствовано у Ж. Ж. Руссо. „Законъ, гласитъ глава 6-я, есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право участвовать въ созданіи закона или лично, или черезъ представителей. Въ этомъ послѣднемъ заявленіи нельзя не видѣть разрыва съ теоріей „Общественнаго договора“, по которому суверенитетъ народный не только не дѣлимъ и не отчуждаемъ, но и не можетъ быть представленъ никѣмъ, такъ какъ это равносильно было бы отчужденію чужому лицу собственной воли. Примѣненіе такой теоріи мыслимо только при прямомъ народоправствѣ мелкихъ городскихъ республикъ, какова была, напр., родина Руссо, — Женева. Государства съ обширной территоріей и населеніемъ не могутъ обойтись безъ представителей. Эта истина была признана ближайшими къ революціи политическими писателями: аббатами Мабли и Сійэсомъ, и подъ ихъ вліяніемъ проникла и въ текстъ „Декларациі правъ“.

Равенство гражданъ передъ закономъ выражено въ словахъ: Законъ долженъ быть одинъ для всѣхъ; все равно, направленъ ли онъ къ защитѣ или наказанію. Такъ какъ всѣ граждане равны въ глазахъ закона, то для нихъ одинаково доступны всѣ почетныя различія, всѣ мѣста и публичныя должности. При ихъ занятіи необходимо считаться только съ дарованіями, и допустимо одно различіе въ добродѣтеляхъ и талантахъ.

Ст. 7-я, обезпечивающая свободу личности, даетъ сжатое изложеніе тѣхъ началъ, какими англичане въ своемъ законѣ о Habeas corpus обезпечили неприкосновенность личности, ея свободу отъ продолжительнаго задержанія иначе, какъ по суду и право арестованнаго требовать замѣны залогомъ или поручительствомъ предварительнаго лишенія свободы. Начало этому законодательству, какъ извѣстно, положено было въ Англійи еще великой хартіей вольностей. Знаменитый законъ Карла II только установилъ разъ навсегда самый способъ проведенія этой свободы въ жизнь, признавъ за задержаннымъ право обращенія къ суду, а за послѣднимъ —

обязанность отпустить его на волю подъ залогъ или поручительство во всѣхъ случаяхъ, не связанныхъ съ измѣной или съ убійствомъ. Эти нормы были восполнены довольно неопредѣленнымъ требованіемъ, чтобы залогомъ не были чрезмѣрны, т. е., чтобы отвѣчали имущественному положенію задержанныхъ. Такое постановленіе проведено „Актомъ объ устройствѣ королевства“.

Ст. 7-я весьма неполно передаетъ систему такъ называемаго Habeas Corpus Act, на принятіи которой настаивали многіе наказы, данные избирателями своимъ уполномоченнымъ и не только наказы средняго сословія, но также дворянства и духовенства. Всѣ во Франціи одинаково были озабочены мыслью — положить конецъ задержанію частныхъ лицъ, не всегда даже по политическимъ дѣламъ, въ силу т. н. lettres de cachet, т. е. приказовъ, скрѣпленныхъ королевской печатью, и эта забота болѣе всего отразилась при редакціи ст. 7-ой. Она ограничивается заявленіемъ, что ни одинъ человекъ не можетъ быть обвиненъ, задержанъ или

*Паденіе монархіи. Взятіе Тюльерійскаго дворца 10 августа 1792 г.
Съ картины Дюпlessи-Берто.*

содержимъ въ заключеніи иначе, какъ въ случаяхъ установленныхъ закономъ, и съ соблюденіемъ формъ, въ немъ предписанныхъ. Дальнѣйшія слова уже прямо мѣтятъ въ тѣхъ, кто ранѣе позволялъ себѣ прибѣгать къ lettres de cachet, съ цѣлью лишить кого-либо свободы. „Тѣ, кто ходатайствуетъ, посылаетъ, приводитъ въ исполненіе, или другимъ предписываетъ привести въ исполненіе произвольные приказы, имѣющіе своимъ послѣдствіемъ лишеніе свободы, должны быть наказаны“. Эта статья станетъ понятной, если принять во вниманіе, что lettres de cachet пользовались и частныя лица. Такъ, знаменитый членъ собранія Мирабо, долгое время содержимъ былъ въ Венсенскомъ замкѣ на основаніи lettres de cachet, испрошенныхъ у короля его отцомъ маркизомъ де-Мирабо, извѣстнымъ экономистомъ и авторомъ книги: „Другъ народа“. Отецъ преслѣдовалъ при этомъ задачи, чуждыя политикѣ: онъ хотѣлъ положить конецъ игрѣ и расточительности своего сына и помѣшать осуществленію его брачнаго проекта.

Ст. 8-я устанавливаетъ принципъ по которому уголовный законъ не имѣетъ обратной силы и довольно неопредѣленно проводитъ ту мысль, что наказанія не должны быть чрез-

мѣрны. „Законъ, говоритъ она, вправѣ устанавливать кары строго и очевидно необходимымъ“.

9-я ст. восполняетъ собою 7-ю, передавая опять-таки въ крайне общихъ выраженіяхъ тѣ нормы о свободѣ отъ предварительнаго задержанія, какія содержитъ въ себѣ Habeas Corpus. „Каждый считается невиннымъ, пока не признанъ будетъ виновнымъ. Если будетъ признано необходимымъ задержать его, то всякая мѣра строгости, безъ которой можно было бы обойтись при овладѣніи его личности, должна быть строго наказуема закономъ“.

Съ 10-й ст. идетъ рядъ нормъ, гарантирующихъ личности свободу ея нравственныхъ проявленій въ частности: — религиозную свободу, свободу мысли, устнаго, письменнаго и печатнаго слова. „Никто не долженъ терпѣть безпокойство за свои мнѣнія, даже религиозныя, но подъ условіемъ, чтобы выраженіе ихъ не имѣло послѣдствіемъ нарушеніе установленнаго закономъ порядка“. Это значить, что впредь всякій призванъ исповѣдывать, что ему угодно, что христіанскіе и нехристіанскіе толки считаются одинаково терпимыми, и что одни акты культа въ томъ случаѣ, если бы они могли повлечь за собой нарушеніе спокойствія и тишины, подлежали бы преслѣдованію.

Дѣятельность Учредительнаго Собранія въ отношеніи къ религиозной свободѣ была до нѣкоторой степени подготовлена предшествующимъ законодательствомъ Людовика XVI по отношенію къ протестантамъ. Тѣ, кто подобно Эдгару Кинэ, высказываютъ свое недоумѣніе по вопросу, какъ случилось, что французская революція, задѣвшая всѣ стороны государственной жизни и соціальной, въ то же время не была революціей религиозной и не насадила во Франціи протестантизма, какъ я полагаю, недостаточно считаются съ тѣмъ фактомъ, что острота вопроса исчезла съ того момента, когда гражданское равноправіе было распространено королевскимъ эдиктомъ и на протестантовъ. Съ другой стороны, Франція, воспитанная Вольтеромъ и энциклопедистами въ духѣ деизма, едва ли нашла бы въ себѣ нужный энтузіазмъ для того, чтобы произвести переворотъ въ народномъ культѣ. Терпимость буржуазіи, или, по меньшей мѣрѣ, ея высшихъ слоевъ, едва ли бы помирилась съ духомъ сектанства, присущимъ кальвинистамъ. Религиозный индеферентизмъ не позволялъ многимъ изъ членовъ Учредительнаго Собранія воспламениться идеей, которая по существу уже отходила въ прошлое. Собраніе, готовое распространить терпимость и на нехристіанскіе культы, на еврейство и магометанство, — уже по тому самому не могло заниматься прозелитизмомъ. Сказать, однако, что французская революція не была одновременно и церковной, уже потому нельзя, что Учредительное Собраніе задѣло католицизмъ съ точки зрѣнія подчиненія духовенства необходимости приносить присягу конституціи. Не всѣ церковные іерархи подчинились этому требованію. Духовенство разбилось на двѣ части: принесшаго и непринесшаго присяги. Значительнѣйшая часть послѣднихъ сочла нужнымъ послѣдовать за дворянствомъ въ добровольное изгнаніе, а оставшіеся въ странѣ не избѣгли преслѣдованій особенно въ эпоху Конвента и террора.

„Декларация правъ“ включила въ себя норму, отдаленнымъ прообразомъ которой можно считать тотъ англійскій статутъ временъ Эдуарда I, которымъ устанавливался принципъ обложенія народа не иначе, какъ съ согласія его представителей. Принципъ этотъ въ правленіе Іакова I распространенъ былъ на всѣ виды налоговъ, не исключая и таможенныхъ пошлинъ, которыя одно время желали, изъять отъ его дѣйствія подъ тѣмъ предлогомъ, что пошлины, моль, взимаются съ иностранныхъ товаровъ, а слѣдовательно, падаютъ на подданныхъ иностраннаго государства. Такъ какъ уже въ XVII в. понимали ту истину, что въ дѣйствительности отъ повышенія пошлинъ на ввозъ возрастаетъ цѣна товара, то членамъ парламента немудрено было настоять на томъ, чтобы и таможенные поборы поставлены были въ зависимость отъ народнаго представительства. Съ этого времени налогъ, въ какой бы формѣ онъ не взимался, приобрѣлъ характеръ добровольнаго вычета, дѣлаемаго гражданами изъ своего

дохода для покрытія издержекъ государства. Эту именно мысль и высказываютъ §§ 13 и 14-й „Декларациі правъ“, объявляя, что для содержанія арміи (*force publique*) и для издержекъ администраціи необходима общая подать. Она должна быть распределена равномерно между гражданами сообразно ихъ платежеспособности. Всѣ граждане имѣютъ право лично или черезъ своихъ представителей убѣдиться въ необходимости этой подати, дать на нее согласіе, слѣдить за тѣмъ употребленіемъ, которое дѣлается изъ нея, опредѣлять ея размѣръ, порядокъ обложенія ею, порядокъ ея взиманія и продолжительность послѣдняго.

Этими статьями уже обеспечивается принципъ неприкосновенности собственности. Ст. 17-я открыто провозглашаетъ ее говоря: „собственность нерушима и свята“. „Никто не можетъ быть лишенъ ея иначе, какъ тогда, когда это требуетъ государственная необходимость, легально констатированная, да и въ этомъ случаѣ только подъ условіемъ предварительнаго и справедливаго вознагражденія“. Этимъ предвидится случай такъ называемой государственной экспроприаціи. Послѣдняя допустима лишь подъ условіемъ возмѣщенія убытковъ.

Общественной пользой, и въ частности, необходимостью обезпечить подданнымъ осуществленіе ими правъ человека и гражданина объясняетъ „Декларациа правъ“ въ своей 12 ст. необходимость арміи, откуда дѣлается тотъ выводъ, что она должна служить общему счастью, а не пользѣ тѣхъ, заботѣ которыхъ она ввѣрена. Чиновники, т. е. весь административный персоналъ, рассматриваются не болѣе, какъ агентами народа, и потому общество, какъ говоритъ ст. 15, имѣетъ право требовать отчета отъ каждаго публичнаго агента въ его управленіи. Исключительно декларативный характеръ имѣетъ ст. 16-я, она признаетъ, что нѣтъ конституціи тамъ, гдѣ не существуетъ гарантіи правъ и раздѣленія властей. Это равнозначительно признанію двухъ началъ, одинаково чуждыхъ Франціи стараго порядка, провозглашенной политической доктриной 18 вѣка,

Лантонь.
(Музей Карнавалю).

заимствовавшей эти начала у англійскихъ теоретиковъ XVII в., которые сами только дали въ нихъ признаніе порядковъ, установленныхъ всѣмъ ходомъ англійской исторіи и вполне упрочившихся со временъ второй англійской революціи. Ея современникъ Локкъ, раньше Монтескье настаивалъ на той мысли, что государство имѣетъ своей задачей защиту собственности, въ которую онъ включалъ и свободу личного самоопредѣленія. И тотъ же Локкъ доказывалъ необходимость раздѣленія властей, — мысль, которая отъ него перешла и къ Монтескье.

Мы остановились съ такой относительной подробностью на разборѣ конституціи 1791 г. не только потому, что она является древнѣйшей, но и потому, что ея основныя начала были сохранены и послѣдующими учредительными законами Франціи. Конституція эта нашла опредѣленіе себѣ и въ эпоху Законодательнаго Собранія.

Республиканскій переворотъ, произведенный Конвентомъ, потребовалъ разумѣется, созданія новыхъ порядковъ, не простого пересмотра и исправленія прежней конституціи, а выработки новаго ея текста. Большинство и меньшинство засѣдавшихъ въ Конвентѣ членовъ

разошлись въ пониманіи если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ задачъ, поставленныхъ временемъ. Конвентъ завѣщаль намъ поэтому два отличныхъ другъ отъ друга конституціонныхъ текста. Ни одинъ не нашель практическаго примѣненія. Оба слились въ примѣненіи начала всеобщаго голосованія,—необходимаго вывода изъ принципа народнаго самодержавія, взятаго напрокатъ у Руссо, не допускавшаго, однако, осуществленія его иначе, какъ въ формѣ прямой демократіи, исключаяющей всякую идею представительства.

И конституція 1793 г. включила въ свой текстъ особую декларацію правъ, во многомъ отличную отъ той, которая обнародована была впервые въ 1789 г. Она отличается еще болѣе декларативнымъ характеромъ и открывается словами, которымъ больше мѣста въ теоретическомъ трактатѣ, нежели въ дѣйствующемъ законѣ.

„Французскій народъ, говорится въ самомъ ея началѣ, убѣжденный въ томъ, что забвеніе и презрѣніе къ естественнымъ правамъ человѣка, единственныя причины несчастій въ мірѣ, постановилъ изложить въ торжественной деклараціи эти священныя и неотчуждаемыя права. Онъ сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы граждане, сопоставляя постоянно акты правительства, съ цѣлью всякой соціальной организаціи, никогда не давали бы возможность угнетать и унижать ихъ тираніей. Онъ сдѣлалъ это для того, чтобы народъ всегда имѣлъ передъ глазами сновы своей свободы и счастья. Сановникъ—правило, руководящее его обязанностью, законодатель—предметъ своей, миссіи, а потому народъ французскій провозглашаетъ передъ лицомъ Всевышняго (Etre suprême) слѣдующую декларацію правъ человѣка и гражданина. Ст. I. Цѣлью всякаго сообщества является общее благополучіе. Правительство создано для того, чтобы обезпечить человѣку пользованіе его естественными и неподлежащими давности правами. Эти права: равенство, свобода, личная обезпеченность, собственность. Всѣ люди равны по природѣ и передъ закономъ. Законъ—свободное и торжественное выраженіе общей воли. Онъ одинъ для всѣхъ, все равно—идеть ли рѣчь о законѣ,—дающемъ свою защиту или опредѣляющемъ наказаніе. Законъ можетъ повелѣвать только то, что справедливо и полезно обществу, а запрещать только то, что ему вредно. Всѣ граждане одинаково должны быть допускаемы къ занятію публичныхъ должностей.

Народы свободныя не допускаютъ иныхъ преимуществъ при выборахъ, кромѣ добродѣтели и талантовъ.

Свобода состоитъ въ правѣ человѣка дѣлать все то, что не вредитъ правамъ другихъ. Она имѣетъ своимъ принципомъ—природу, своимъ правителемъ—справедливость, своей защитой—законъ, своей нравственной границей слѣдующій принципъ: „не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ самому“.

До сихъ поръ, за исключеніемъ строкъ, касающихся равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ и допущенія всѣхъ гражданъ къ занятію публичныхъ должностей, приведенныя статьи не заключаютъ въ себѣ ни одного законодательнаго начала. Но онѣ, какъ нельзя лучше, выясняютъ тѣ теоретическія послылки, на которыхъ должно опереться зданіе демократической республики, вызываемое къ жизни новой конституціей. Эти принципы—принципы „Общественнаго Договора“ Руссо. Опредѣленіе, даваемое свободѣ, какъ выраженію общей воли, составляетъ содержаніе одной изъ главъ его трактата. Но рядомъ съ Руссо, составители „Декларации правъ“ 1793 г. могли бы указать и на другіе источники своего вдохновенія: на текстъ американской деклараціи о независимости, въ которомъ прямо говорится о томъ, что люди имѣютъ право на счастье. Французы признали задачей самого гражданскаго общества обезпеченіе этого счастья. У Руссо заимствовано и все разсужденіе о причинахъ, вызвавшихъ общественное бѣдствіе. Не провозгласилъ ли онъ начало неотчуждаемости народнаго верховенства и не предполагаетъ ли тиранія „угнетающая и унижающая людей“ отступленіе отъ этой именно неотчуждаемости суверенитета. Идея Локка сквозитъ въ словахъ, гласящихъ, что правительство имѣетъ своей задачей опезпеченіе естественныхъ и неупраздняемыхъ давностью

правъ. Гражданское равенство признается, согласно съ Руссо, установленнымъ самой природой и только гарантируемымъ закономъ. Равенство, какъ понимаетъ его декларація 1793 г., не есть равенство имущественное, а только равенство передъ закономъ. Конвентъ также мало былъ склоненъ къ принятію коммунизма, какъ и Учредительное Собраніе, враждебность котораго этому началу сказалась въ его отношеніи къ аббату Фошэ и его проекту обезпеченія всѣмъ правъ земельнаго пользованія. Положеніе, по которому границею личной свободы признается необходимость обезпеченія равной свободы и другимъ, стоитъ въ довольно близкомъ отношеніи къ мысли Локка о томъ, что присвоеніе вызываемое приложеніемъ труда, не должно сдѣлаться препятствіемъ для такихъ же актовъ со стороны другихъ. Съ чисто теоретической точки зрѣнія формула, на которой остановился Конвентъ, покажется пріемлемой и такому строгому логику, какъ Им. Кантъ, который включить ее въ свое разсужденіе о „Ме-

*Казнь короля Людовика XVI (21 января 1793 г.).
Съ картины Монне.*

тафизическихъ основахъ правовѣдѣнія“. Вся только, что приведенная страница внушить Бентаму мысль напасть на учредительную работу Конвента, какъ на проводящую анархическія начала, непримиримая съ существованіемъ всякаго прочнаго правительства. Но такое обвиненіе справедливо лишь по отношенію къ тремъ послѣднимъ статьямъ „Декларациі“, провозглашающей право сопротивленія правительству, то самое право, о которомъ говорилось и въ древнѣйшемъ текстѣ великой „Хартіи вольностей“ англійскаго народа, указывавшей болѣе конкретно тѣ пути, которыми можетъ быть осуществлено это право возстанія. Ст. 33-я гласитъ: „Противодѣйствіе угнетенію—необходимое послѣдствіе другихъ правъ человѣка. Угнетеніе всего соціального тѣла на лицо каждый разъ, когда ему подвергся одинъ изъ его сочленовъ. Угнетеніе каждаго отдѣльнаго сочлена на лицо, когда угнетенію подверглось все соціальное тѣло, когда правительство нарушаетъ права народныя. Возстаніе народа и каждой его части—самая священная и необходимая изъ обязанностей“.

Почти буквальнымъ воспроизведеніемъ основной мысли „Общественнаго Договора“ надо считать статью 25-ю. Она гласитъ: „Суверенитетъ принадлежитъ народу. Онъ одинъ и нераз-

дѣлень. Не подлежитъ дѣйствию давности и неотчуждаемъ“. Но Руссо, какъ извѣстно, былъ противникомъ передачи народомъ его представителямъ права осуществленія своего верховенства. Въ глазахъ Руссо одна прямая демократія, одно вѣчевое начало отвѣчало требованіямъ справедливости. Къ такому обширному государству, какъ Франція, такое положеніе оказывалось непримѣнимымъ, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько сама Франція оставалась единой и нераздѣльной, не переходила на положеніе федераціи мелкихъ политическихъ тѣлъ, допускающихъ поѣтому возможность вѣчевыхъ порядковъ. Но на это всего менѣ могли пойти якобинцы, изъ которыхъ и вышелъ составитель конституціи 1793 г.

Ст. 1-я конституціи объявляла, что французская республика едина и нераздѣльна. Въ то же время составители конституціи допускали систему представительства. Отсюда постановленіе ст. 7 и 8-й, что самодержавнымъ народомъ надо считать совокупность всѣхъ французскихъ гражданъ, что

Маратъ.
(Музей Карнавале).

народъ выбираетъ непосредственно своихъ депутатовъ и съ этой цѣлью распредѣляется между первичными собраніями кантоновъ. Отъ принципа осуществленія суверенитета всѣмъ народомъ удержалось лишь провозглашаемое ст. 10-ой право обсуждать законы. Ст. 59 и слѣдующая болѣе опредѣленно указываютъ, что нужно разумѣть подъ этимъ обсужденіемъ законовъ всѣмъ народомъ. Она гласитъ: „Сорокъ дней послѣ разсылки, вышедшаго изъ законодательнаго собранія и имъ вотированнаго уже законопроекта, разсылка его по всѣмъ общинамъ республики, законъ считается принятымъ, если въ половинѣ плюсъ одинъ всѣхъ департаментовъ десятая часть первичныхъ собраній каждаго не опротестовала этого закона. Въ противномъ случаѣ, законодательный корпусъ собираетъ первичныя собранія“. Этимъ первичнымъ собраніямъ предоставлено въ числѣ другихъ функцій и пересмотръ самой конституціи (ст. 115), при томъ въ тѣхъ же условіяхъ.

Разъ поднять вопросъ въ половинѣ плюсъ одинъ департаментовъ десятою частью первичныхъ собраній объ измѣненіи хотя бы отдѣльныхъ статей конституціи, законодательный корпусъ ставитъ первичнымъ собраніямъ вопросъ: не нужно ли созвать Національнаго Конвента. Послѣдній имѣетъ тотъ же составъ, что и обыкновенное законодательное собраніе и пользуется его полномочіями. На немъ обсуждаются лишь тѣ предметы, которыми обусловлено его собраніе. Въ „Декларациі правъ“ соотвѣтственно постановлено, что никакая часть народа не можетъ осуществлять власти, принадлежащей всему народу, но каждая секція суверена, собравшись имѣетъ право выражать свою волю съ полною свободой. Всякій индивидъ, который присвоилъ бы себѣ суверенитетъ, долженъ быть немедленно казненъ свободными людьми. И эта статья (27-я) отвѣчаетъ ученію Руссо о томъ, что не признающій святости Общественнаго Договора, разъ онъ не воспользовался свободой отъ подчиненія ему добровольнымъ оставленіемъ государства, подлежитъ высшей карѣ, такъ какъ онъ солгалъ передъ зеркаломъ закона.

„Народъ, учить ст. 28-я, всегда имѣетъ право пересмотра, реформы и измѣненія своей конституціи. Существующее поколѣніе не вправѣ подчинить дѣйствию своихъ законовъ поколѣніе будущее“.

Руссо смотрѣлъ на избираемыхъ сановниковъ, — органовъ исполненія, какъ на простыхъ уполномоченныхъ, а потому и привлекалъ ихъ къ отвѣтственности за всѣ ихъ дѣйствія, допуская возможность ежечасной замѣны ихъ другими, въ случаѣ нарушенія заинтересованными данными имъ полномочій. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ ст. 29-я говоритъ о томъ, что каждый гражданинъ имѣетъ равное право участвовать не только въ созданіи законовъ, но и въ опредѣленіи на службу своихъ уполномоченныхъ или агентовъ. „Всѣ публичныя функціи являются необходимо временными. На нихъ нельзя смотрѣть, какъ на отличіе или награды, но только какъ на обязанность. Преступленія, совершенныя народными уполномоченными или его агентами, не должны оставаться безнаказанными. Никто не вправѣ считать себя свободнымъ отъ преслѣдованія (inviolable) въ большей степени, чѣмъ прочіе граждане“.

Чтобы ослабить исполнительную власть, конституція предлагаетъ раздѣлить ее: ввѣрить осуществленіе общаго руководительства коллегіи, — исполнительному совѣту изъ 24-хъ членовъ. — Назначеніе ихъ на должность происходитъ такимъ образомъ: избирательное собраніе каждаго департамента выбираетъ одного кандидата, а законодательный корпусъ изъ общаго списка выборныхъ выбираетъ тѣхъ, кто станетъ членомъ совѣта. Другимъ средствомъ предупредить возможность захвата власти является краткосрочность самого существованія этого исполнительнаго совѣта, — возобновленіе его наполовину въ послѣдній мѣсяцъ законодательной сессіи. А такъ какъ по ст. 40-й законодательный корпусъ не можетъ засѣдать больше года, то значитъ, что на разстояніи двухгодичнаго срока слѣдуетъ перемѣна всего состава исполнительнаго совѣта. Совѣтъ выбираетъ только не изъ своей среды всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, (своего рода министровъ). „Эти агенты не образуютъ изъ себя совѣтъ“, постановляетъ ст. 68, другими словами, ни о какой англійской системѣ солидарнаго правительства не можетъ быть и рѣчи. „Эти агенты, обособленные одинъ отъ другого, продолжаютъ та же статья, не должны имѣть непосредственныхъ сношеній между собою“. Самое число и функціи ихъ опредѣляются законодательнымъ корпусомъ, который требуетъ отъ совѣта, чтобы онъ дѣйствовалъ только въ исполненіе законовъ и декретовъ, сходящихся отъ законодательнаго корпуса. Назначеніе иностранныхъ агентовъ республики также зависитъ отъ совѣта. Онъ можетъ смѣнять всѣхъ назначенныхъ имъ агентовъ и замѣнять ихъ другими. Онъ обязанъ доносить на нихъ судебнымъ властямъ, если къ тому явится поводъ. Онъ самъ принимаетъ на себя отвѣтственность въ томъ случаѣ, если имъ не будетъ донесено о злоупотребленіяхъ своихъ агентовъ. И самъ онъ подлежитъ обвиненію законодательнымъ корпусомъ въ случаѣ мздоимства. Мысль Руссо о томъ, что между сувереннымъ народомъ и органами исполненія не можетъ быть договора, какъ равныхъ съ равными, проведена такимъ образомъ конституціей 1793 г. съ большою послѣдовательностью.

Субъективныя права гражданъ находятъ защиту себѣ въ „Декларациі правъ челоуѣка и гражданина“. Ея необходимость оправдывается въ самомъ текстѣ конституціи тѣмъ соображеніемъ, что память о недавнемъ деспотизмѣ требуетъ такого заявленія. Въ числѣ неотъемлемыхъ правъ, защита которыхъ составляетъ обязанность общества, мы находимъ личную свободу и собственность. Личная свобода обезпечена системой Habeas corpus, хотя термина

Робеспьеръ.
(Парижскій кабинетъ медалей).

этого и не встрѣчается. Признано право насильственнаго сопротивленія противъ всякаго насилія, предпринимаемаго въ случаяхъ, неуказанныхъ закономъ или безъ соблюденія требуемыхъ имъ формъ. Преступленіемъ признается сообщеніе закону обратной силы; наказанія, по словамъ „Декларациі“, не должны быть назначаемы самимъ закономъ иначе, какъ въ случаѣ явной необходимости и пользы для общества.

*Крайніе львы Конвента—гебертисты по пути на эшафотъ
Съ офорта Дюплесси-Берто.*

Право собственности опредѣляется, какъ право пользованія и распоряженія имуществами и доходами, плодомъ своего труда и предприимчивости. Съ признаніемъ права собственности связана свобода промысловъ, свобода отъ экспроприаций иначе какъ за вознагражденіе, и свобода отъ всякихъ другихъ налоговъ и поборовъ кромѣ тѣхъ, которые устанавливаются въ интересахъ общей пользы. Въ ихъ созданіи въ правѣ принимать участіе всѣ граждане, они же контролируютъ употребленіе, дѣлаемое изъ налоговъ властями и вправѣ требовать отъ нихъ отчетности.

„Декларациія“ 1793 г. прибавляетъ два новыхъ права къ числу прирожденныхъ правъ гражданина, объявляя, что общество обязано обезпечить существованіе неимущихъ гражданъ, доставляя имъ трудъ или обезпечивая средства къ жизни тѣмъ, кто потерялъ способность къ труду.

Она признаетъ также обязанность общества сдѣлать полученіе образованія общедоступнымъ всѣмъ гражданамъ и объясняетъ мотивъ такой мѣры словами: „Общество должно всѣми своими средствами содѣйствовать прогрессу разума. Образование есть общая потребность“. Пользованіе всѣми признаваемыми за ними правами нуждается въ общественной гарантіи. Этой гарантіей является признаваемый за націей суверенитетъ. Такимъ образомъ публичные права ставятся въ связь съ политическими, и участіе каждаго въ осуществленіи правъ суверенитета всего народа признается ручательствомъ сохраненія имъ и личной свободы.

Не училъ ли Руссо, что при уступкѣ всѣми и каждымъ его прирожденныхъ правъ всей совокупности, въ составъ которой онъ входитъ, никто ничего не теряетъ, а, наоборотъ, пріобрѣтаетъ силу для защиты своей природной свободы.

„Декларациія правъ“ 1793 г. не говоритъ прямо о раздѣленіи властей, но высказываетъ ту мысль, что общественной гарантіи не будетъ въ томъ случаѣ, если предѣлы публичныхъ функций не будутъ ясно опредѣлены закономъ и отвѣтственность чиновниковъ не будетъ обезпечена. Это, разумѣется, далеко не то же, такъ какъ суверенитетъ неотчуждаемъ и недѣлимъ, то всѣ функции соединяются въ народѣ, какъ въ источникѣ. Отправленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ препоручается простыми агентами, дѣйствующимъ по довѣрію, но функции этихъ агентовъ должны быть строго опредѣлены и ихъ отвѣтственность наступаетъ при нарушеніи границъ этихъ функций. Подъ отвѣтственностью разумѣется одна только судебная, отнюдь не политическая, которая требовала бы выхода ихъ въ отставку. Въдь эти агенты, будь ими и министры, могутъ быть во всякое время удалены и замѣнены новыми по почину, поставленному во главѣ ихъ избираемаго Исполнительнаго Совѣта, составъ котораго на половину возобновляется каждый годъ.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ конституція, въ пользу которой было подано 1,801,918 голосовъ, но которая не нашла себѣ практическаго примѣненія. Ее надо было отмѣтить, какъ исходный моментъ въ развитіи, между прочимъ, референдума и законодательнаго признанія, какъ права на трудъ, такъ и права на образованіе.

II.

Съ паденіемъ террора и его главнаго виновника Робеспьера партія умѣренныхъ довела до осуществленія проектъ конституціи отъ 22 августа 1795 г. Въ отличіе отъ предшествовавшихъ она открывается перечнемъ не только правъ, но и обязанностей человѣка и гражданина. Число признаваемыхъ правъ меньше того, какое мы встрѣчаемъ въ конституціи 1793 г. Что же касается до обязанностей, то онѣ выражены въ декларативной формѣ, не снабжены никакой санкціей и носятъ характеръ какихъ-то дидактическихъ разсужденій. О правѣ на трудъ и правѣ на полученіе дароваго образованія — нѣтъ ни слова.

Самодержавіе народа и раздѣленіе властей, опредѣленіе закона, какъ выраженія общей воли, признаніе личной свободы, равенства, безопасности и собственности правами человѣка въ общественномъ состояніи, система англійскаго Habeas corpus act'a, признаніе делегаціи или полномочія самодержавнаго народа или его представительства источникомъ всякой власти, — таковы существенныя положенія, проводимыя въ томъ отдѣлѣ деклараціи, которая говоритъ о правахъ. Что же касается до обязанностей, то онѣ всѣ выводятся изъ двухъ положеній: не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь, и дѣлай другимъ то благо, которое желалъ бы получить отъ нихъ. Обязательство каждаго по отношенію къ обществу сводится къ слѣдующему: защищать его и служить ему, жить, подчиняясь законамъ, и уважать его органы. Никто не можетъ считаться добрымъ гражданиномъ, если онъ одновременно не добрый отецъ, добрый братъ, добрый сынъ, добрый другъ, добрый супругъ. Никого нельзя считать добродѣтельнымъ, если онъ не является откровеннымъ и религіозно-строгимъ исполнителемъ закона. Кто открыто нарушаетъ законы — становится во вражду съ обществомъ. Тотъ, кто не нарушая открыто законовъ, избѣгаетъ ихъ примѣненія благодаря хитрости или ловкости, тѣмъ самымъ нарушаетъ интересы всѣхъ и становится недостаточнымъ ихъ благорасположенія и уваженія. На сохраненіи собственности построены культура земель, всякое производство, всяческій трудъ и весь соціальныи порядокъ. Каждый гражданинъ обязанъ служить отечеству и защитѣ свободы, равенства, собственности каждый разъ, когда законъ призываетъ его къ этому.

Ни въ одномъ изъ этихъ положеній нельзя видѣть настоящей юридической нормы. Не мудрено поэтому, если во всѣхъ послѣдующихъ конституціяхъ отсутствуетъ упоминаніе объ обязанностяхъ, какъ естественно вытекающихъ изъ самого перечня правъ.

Что касается до организаціи властей, то конституція 1795 г. отправляется отъ признанія единства и недѣлимости республики и признаетъ суверенитетъ за всей совокупностью французскихъ гражданъ. Французскимъ же гражданиномъ признается всякій родившійся во Франціи и пребывающій въ ней. По достиженіи 21 года онъ долженъ потребовать включенія его

Сень-Жюсть.
(Музей Карнавалле)

въ списки гражданъ своего кантона; если послѣ этого онъ проведетъ въ ней годъ, платя прямой налогъ земельный или личный, онъ пользуется всѣми правами гражданства, начиная съ права голосованія въ первичныхъ собраніяхъ и занятія публичныхъ должностей. Политическіе выборы — двухстепенные. Первичное собраніе намѣчаетъ выборщиковъ, выборщики же должны имѣть 25 лѣтній возрастъ, владѣть собственностью или быть ея арендаторомъ, при чемъ цѣнность земли должна быть равна доходу въ 150 дневныхъ заработковъ для собственниковъ и въ 200 — для арендаторовъ или половниковъ. Выборщики избираютъ членовъ законодательнаго корпуса, т. е. членовъ совѣта пятисотъ, членовъ кассационнаго суда, великоприсяжныхъ администраторовъ департамента, президента и секретаря мѣстнаго уголовного суда, а также публичнаго обвинителя при немъ, судей гражданскихъ судовъ. Такимъ образомъ,

*Паденіе Робеспьера (10 термидора 1794 г.).
Съ офорта Дюпlessи-Берто.*

избирательная система приложена ко всѣмъ должностямъ не только законодательнымъ, но и судебнаго характера.

Законодательный корпусъ составленъ изъ двухъ палатъ: палаты старѣйшинъ и палаты пятисотъ. Начало раздѣленія властей проведено въ требованіи, чтобы законодательный корпусъ ни непосредственно, ни чрезъ представителей не осуществлялъ ни исполнительной, ни судебной власти. Выборы производятся по отдѣльнымъ департаментамъ пропорціонально одному числу населенія. Каждые десять лѣтъ законодательный корпусъ вноситъ измѣненія въ распредѣленіи числа депутатовъ и старѣйшинъ между департаментами, сообразно присланной ему переписи населенія. Конституція высказывается противъ обязательныхъ мандатовъ и приводитъ ту мысль, что каждый депутатъ представляетъ не свой департаментъ, а всю націю. Оба совѣта возобновляются ежегодно по третямъ. Выбывшіе члены на разстояніи трехъ лѣтъ могутъ быть вновь избраны. Но никто не можетъ подъ рядъ осуществлять функций члена законодательнаго корпуса болѣе шести лѣтъ.

Какъ во всѣхъ республиканскихъ конституціяхъ, такъ и въ конституціи 1795 г. законодательный корпусъ не подлежитъ созыву или роспуску органомъ исполненія, а считается постояннымъ. Ст. 59 открыто опредѣляетъ этотъ принципъ, объявляя, что онъ самъ можетъ

отсрочивать на время свои собранія. Засѣданія обоихъ совѣтовъ публичныя. Члены совѣтовъ получаютъ вознагражденіе. На разстояніи 12 лье отъ мѣста пребыванія обоихъ совѣтовъ органамъ исполнительной власти запрещается держать войско. Чтобы быть избраннымъ въ число членовъ совѣта пятисотъ необходимо имѣть 30-лѣтній возрастъ и десятилѣтнее пребываніе въ предѣлахъ республики. Совѣтъ старѣйшинъ заключаетъ въ себѣ половинное число членовъ противъ совѣта пятисотъ. Чтобы попасть въ него, надо имѣть 40-лѣтній возрастъ, быть женатымъ или вдовымъ и быть поселеннымъ въ предѣлахъ республики 15 лѣтъ. Обособленіе законодательства отъ исполненія имѣетъ послѣдствіемъ то, что починъ законодательства признается исключительно за членами совѣта пятисотъ. Совѣтъ же старѣйшинъ принимаетъ или отвергаетъ постановленія совѣта пятисотъ. Отвергнутая совѣтомъ старѣйшинъ резолюція совѣта пятисотъ не можетъ быть внесена снова на обсужденіе ранѣе года. Никакого veto не признается за органами исполнительной власти директоріей, которымъ предоставлено одно исполненіе законовъ. Исполнительная власть ввѣряется пяти лицамъ, избираемымъ законодательнымъ корпусомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: совѣтъ пятисотъ составляетъ списокъ кандидатовъ, въ 10 разъ превышающій число тѣхъ, которые должны быть избраны; а изъ нихъ совѣтъ старѣйшинъ тайной подачей голосовъ выбираетъ на вакантныя мѣста пять членовъ. Они должны имѣть 40-лѣтній возрастъ и должны принадлежать къ числу гражданъ, ранѣе исполнявшихъ обязанности членовъ законодательнаго корпуса или министровъ. Одинъ изъ членовъ выходитъ въ отставку каждый годъ по жребію. Выбывшій не можетъ быть избранъ вновь ранѣе пяти лѣтъ. Предсѣдательствуетъ въ директоріи одинъ изъ ея членовъ срокомъ не долѣе 3-хъ мѣсяцевъ. Для принятія рѣшеній необходимъ кворумъ 3-хъ членовъ. Директоріи принадлежитъ право заботиться о внѣшней и внутренней безопасности республики въ согласіи съ законами. Она можетъ издавать прокламаціи, (т. е. указы), согласныя съ законами и имѣющія своей задачей ихъ исполненіе. Не имѣя права начальствовать надъ военными силами республики директорія располагаетъ ими. Запретъ личнаго начальствованія распространяется и на отдѣльныхъ членовъ директоріи во все время ихъ службы, и въ теченіе двухъ лѣтъ слѣдующихъ за ними. Директорія выбираетъ министровъ внѣ своего состава. Они должны имѣть не менѣе 30 лѣтъ и не могутъ принадлежать къ числу родственниковъ или свойственниковъ членовъ директоріи. Самое число министровъ опредѣляется законодательнымъ корпусомъ. Оно не можетъ быть менѣе 6-ти и болѣе 8-ми. Министры не образуютъ собою совѣтъ, а это равнозначительно признанію, что между ними не должно быть необходимо единство воззрѣній, то, что мы называемъ солидарностью. Они каждый отвѣтственны за неисполненіе какъ законовъ, такъ и приказовъ директоріи. Особый верховный судъ можетъ быть созданъ законодательнымъ корпусомъ для рассмотрѣнія обвиненій, внесенныхъ послѣднимъ какъ противъ собственныхъ его членовъ, такъ и членовъ директоріи.

Граксъ Бабель.

Судъ этотъ состоитъ изъ пяти членовъ и двухъ національных обвинителей, взятыхъ изъ состава кассационнаго суда и велико-присяжныхъ, выбранныхъ департаментскими избирательными собраніями. Право предложить пересмотръ конституціи принадлежитъ совѣту старѣйшинъ и подлежитъ ратификаціи совѣта пятисотъ. Если въ теченіе 9 лѣтъ предложеніе совѣта старѣйшинъ, утвержденное совѣтомъ пятисотъ, трижды было повторено каждый разъ на разстояніи 3-хъ лѣтъ должно быть созвано собраніе для производства такого пересмотра. Въ это

собрание входит по два члена отъ каждого департамента, выбранное въ томъ же порядкѣ, какъ и члены законодательнаго корпуса и отвѣчающіе тѣмъ же требованіямъ, какія предъявляются членамъ совѣта старѣйшинъ. Этотъ совѣтъ для исправленія конституціи ограничивается въ своей дѣятельности пересмотромъ только тѣхъ статей, на которыя указано законодательнымъ корпусомъ.

Къ заключительнымъ статьямъ конституціи отнесены нѣкоторыя нормы, ранѣе находившія себѣ мѣсто въ деклараціи правъ, какъ, напр., отмѣна предварительной цензуры, вѣроисповѣдная свобода, запретъ принятія монастырскихъ обѣтовъ, запретъ устройства цеховъ и ограниченія свободы промышленности, необходимость вознагражденія въ случаѣ государственной экспроприаціи, неприкосновенность жилища, право петицій, но подъ условіемъ, чтобы онѣ были индивидуальными.

III.

13 декабря 1799 г., послѣ новой революціи, революціи 18 брюмера, генералу Бонапарту, поддерживаемому извѣстнымъ дѣятелемъ Учредительнаго Собранія и Конвента, аббатомъ

Баррасъ.
Съ портрета Бонневилля.

Сійэсомъ удается провести путемъ плебисцита новую консульскую конституцію. Въ ея пользу подано 3,011,007 голосовъ. Она является послѣдней изъ республиканскихъ конституцій Франціи. Конституція 18 мая 1804 г. употребляетъ, правда, еще титулъ республики, но для того, чтобы объявить въ первой же своей статьѣ, что правительство этой республики ввѣряется императору французовъ. Въ отличіе отъ предшествующихъ конституцій, конституція 1799 г. не заключаетъ въ себѣ никакой деклараціи правъ. Взамѣнъ того, она содержитъ въ себѣ 75-ю статью, переходящую въ болѣе или менѣе неизмѣнномъ видѣ во всѣ послѣдующія конституціи Франціи и впервые отънесенную временнымъ правительствомъ третьей республики въ сентябрьскіе дни, слѣдовавшіе за паденіемъ второй имперіи. Эта 75 ст. парализуетъ возможность преслѣдованія чиновниковъ, создавая въ ихъ пользу такъ называемую административную гарантію. Статья эта

гласитъ слѣдующее: „агенты правительства, за исключеніемъ министровъ, не могутъ подвергнуться преслѣдованію за дѣйствія, совершенныя ими при отправленіи своихъ обязанностей иначе, какъ въ силу предварительнаго рѣшенія госуд. совѣта. Только въ этомъ случаѣ можетъ быть начато противъ нихъ преслѣдованіе передъ обыкновенными судами“.

Что же касается до министровъ, то статья 72-я возлагаетъ на нихъ отвѣтственность за всякій правительственный актъ, ими подписанный и признанный сенатомъ несогласнымъ съ конституціей, за неисполненіе законовъ и указовъ за всякія распоряженія, сдѣланныя ими въ томъ случаѣ, если отданныя ими повелѣнія несогласны съ конституціей, законами или указами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ обвиненіе предоставлено законодательному корпусу, а судъ—особому верховному судилищу, составленному изъ особыхъ судей и присяжныхъ. Судьи избираются изъ членовъ кассаціоннаго трибунала имъ самимъ, присяжные же на основаніи особаго національнаго списка довѣрія. Не допускается ни кассаціи, ни апелляціи вынесеннаго рѣшенія.

Парламентская жизнь наступаетъ во Франціи не ранѣе эпохи реставраціи. Правда, и ранѣе, послѣ возвращенія Наполеона съ острова Эльбы, въ періодъ такъ называемаго „стодневья“, предшествовавшаго битвѣ при Ватерлоо, задумана была реформа имперскихъ учреждений на началахъ конституціонныхъ и парламентарныхъ. Б. Констану поручено было написать текстъ этой конституціи. Послѣдній не уклонился отъ этой непосильной задачи и написалъ конституцію въ англійскомъ вкусѣ, т. е. съ двумя палатами, при чемъ высшую должно было составить французское дворянство. Но въ отличіе отъ англійскаго оно популярнымъ не

было, такъ какъ большинство состояло изъ эмигрантовъ, одно время поднявшихъ оружіе противъ французской республики и столь же враждебно относившееся и къ Наполеоновскому режиму. Пришлось искать паровъ между маршалами и счастливыми генералами имперіи. Къ этой попыткѣ самъ Наполеонъ относился скептически. Вторичное возвращеніе Бурбоновъ сдѣлало невозможнымъ осуществить на практикѣ странную затѣю примиренія имперіи съ началами англійской конституціи.

Намъ придется говорить поэтому только объ октроированной Людовикомъ XVIII в. хартіи 1814 г. Исторія ея возникновенія вкратцѣ можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ. Общественное мнѣніе Франціи и послѣ паденія Наполеона не было особенно благоприятно идеѣ реставраціи Бурбоновъ. Чтобы сдѣлать ихъ пріемлемыми для французовъ, императоръ Александръ I, дѣйствуя за одно съ извѣстнымъ Наполеоновскимъ дипломатомъ Талей-

*Наполеонъ въ советѣ пятисотъ.
Съ литографіи Рюффе.*

раномъ, остановился на мысли рекомендовать сенату поднести королю Людовику XVIII готовый текстъ конституціи. Но Людовикъ XVIII не счелъ нужнымъ считаться съ этимъ текстомъ. Въмѣсто того, чтобы принять конституцію, поднесенную ему французскимъ сенатомъ, онъ издалъ декларацію изъ Сентъ-Уана, въ которой говорилось, что онъ возвращается на престоль французскихъ королей Божьею милостью, но любя свой народъ и удовлетворяя духу времени, дастъ по примѣру старыхъ французскихъ королей, своихъ предковъ, свою грамоту, которая будетъ называться „La charte Constitutionnelle“ и будетъ заключать въ себѣ конституцію для Франціи, но въ томъ пониманіи необходимыхъ вольностей, которыя онъ, король Божьею милостью раздѣляетъ. Это пониманіе заключалось въ томъ, что инициатива законовъ должна исходить только отъ правительства, что должны быть двѣ палаты; одна—наслѣдственная для стараго французскаго дворянства, изъ котораго, однако, маршалы имперіи не изгонялись, а другая—палата народныхъ представителей при очень высокомъ избирательномъ цензѣ. Цензомъ этимъ было требованіе платежа трехсотъ франковъ прямой земельной подати.

Людовикъ XVIII, несмотря на возстановленіе бѣлаго знамени, счелъ нужнымъ въ своемъ поведеніи не терять изъ виду всего, недавно происшедшаго. На немъ сильно отразилось также то, что онъ долгое время провелъ за границей и преимущественно въ Англии. Онъ проникся началами англійскихъ конституціонныхъ порядковъ, которые, какъ извѣстно, проводились часто въ обходъ писаннаго закона, и, обнаруживая похвальную терпимость, старался править страну въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ. Начало его дѣятельности далеко не обѣщало благопріятныхъ результатовъ. Но обстоятельства сложились такъ, что Наполеоновскій сенатъ, предложившій ему по почину Талейрана готовый текстъ конституціи, скомпрометировалъ себя въ глазахъ націи, обезпечивъ себя въ текстѣ представленнаго имъ законопроекта полученіе его членами высокихъ жизненныхъ рентъ, вмѣстѣ съ пожизненнымъ званіемъ сенатора. Немудрено, если въ устахъ парижскаго простонародья выработанная сенатомъ конституція получила прозвище „конституціи рентъ“ (Constitution de rents), что, разумѣется, мало содѣйствовало ея популярности, Людовикъ XVIII не желалъ связать своего

*Провозглашеніе Наполеона императоромъ (1804 г.).
Съ литографіи Адана.*

возвращенія на престоль предковъ ни съ раболѣпьемъ Наполеоновскаго сената, ни съ покровительствомъ русскаго царя, Александра I. Онъ поэтому, прежде чѣмъ явиться во Францію съѣздивъ въ Лондонъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ регентомъ, будущимъ королемъ Георгомъ IV, заступавшимъ временно мѣсто своего родителя въ виду его умственнаго разстройства. „Послѣ Бога, сказалъ онъ ему, возвращенными мнѣ законными правами на французскій престоль, я обязанъ никому другому, какъ Вашему Королевскому Высочеству“. Такимъ образомъ, передъ лицомъ всего міра заявлено было, что возвращающіеся на престоль Бурбоны считаютъ себя обязаннымъ не имперскому сенату, не сохранившему вѣрности сыну Наполеона, и не Александру I, рекомендовавшему этотъ шагъ, а прежде всего Богу, затѣмъ регенту англійскаго королевства и, наконецъ, началу легитимизма. Въ Парижѣ пріѣзду Людовика XVIII предшествовало появленіе его брата, графа д'Артуа, того самого, который первый изъ королевской семьи увѣхалъ за границу и который со временемъ, сдѣлавшись королемъ Карломъ X, погубилъ династію Бурбоновъ. Пріѣхавъ въ Парижъ, графъ д'Артуа ждетъ, чтобы сенатъ явился къ нему на домъ. Но сенатъ не трогается съ мѣста и д'Артуа самому приходится вступить съ нимъ въ переговоры, а равно и съ руководившимъ въ то время сенатомъ, Талейраномъ. Не безъ участія Александра I, между сенатомъ и графомъ, какъ замѣстителемъ короля, слѣдуетъ попытка соглашенія. Сенатъ не прочь получить отъ графа обѣщаніе, что

король приметъ выработанную для него конституцію, а графъ желаетъ взаменъ получить отъ сената санъ генеральнаго лейтенанта королевства (*lieutenant général du royaume*) на все время, пока не прибудетъ во Францію самъ король. Людовикъ XVIII задержанъ временнымъ приступомъ подагры. Онъ медлитъ прїездомъ и послѣ выздоровленія, ожидая, какъ сложатся обстоятельства. Сенатъ продолжаетъ настаивать на томъ, чтобы д'Артуа далъ за короля обѣщаніе принять предлагаемую ему конституцію. Положеніе графа становится неловкимъ, какъ челоуѣка лично настроеннаго противъ всякой конституціи и сочувствующаго возстановленію монархіи Божьею милостью. Онъ есылается на невозможность снестись быстро съ королемъ и даетъ въ концѣ концовъ весьма неопредѣленное обѣщаніе. „Основы конституціи, говоритъ онъ, будутъ приняты Бурбонами, а каковы будутъ самыя эти основы, — укажетъ время“. Возвращаясь изъ Англїи, король останавливается въ Компьенѣ, въ городкѣ, въ которомъ любили проживать французскіе короли стараго порядка, именемъ котораго помѣ-

Возвращеніе Людовика XVIII въ Парижъ.

чены поэтому многіе ордоннансы и эдикты. Члены, распущенной Наполеономъ нижней палаты, являются въ Компьенъ на свиданіе съ королемъ. Король принимаетъ ихъ весьма любезно. За ними прибываютъ туда маршалы имперїи, которыхъ ждетъ здѣсь столь же гостепріимный прїемъ. Въ Компьенѣ же происходитъ свиданіе Людовика XVIII съ Александромъ I. Первый при этомъ играетъ роль хозяина, представителя одной изъ старѣйшихъ династїи въ мірѣ и охотно бесѣдуетъ обо всемъ, за исключеніемъ государственныхъ дѣлъ Франціи. За русскимъ императоромъ прибываетъ въ Компьенѣ и Талейранъ. Обѣ ихъ свиданїи дошелъ до насъ отчетъ въ двухъ редакціяхъ. Обѣ передаютъ одинаково содержаніе рѣчи, обращенной Людовикомъ къ Талейрану. „Вы видите, сказалъ онъ ему, что мои химерическіе планы осуществились, поэтому, не вы попросите меня сѣсть, а я скажу вамъ: садитесь и поговоримъ“. Результатомъ разговора было то, что выѣхавъ изъ Компьена, Людовикъ XVIII прежде чѣмъ достигнуть Парижа, остановился въ Сентъ-Уанѣ, въ собственномъ замкѣ и изъ него распространилъ текстъ своего манифеста. Въ немъ говорилось, что, „рѣшивъ править Франціей, какъ король Божьей милостью, занимая престоль, прославленный его предками, и заботясь о благѣ народа, онъ въ 19-й годъ своего царствованія по примѣру своихъ предковъ жалуетъ грамоту, въ которой возстановлены будутъ ранѣ принадлежавшія

французамъ права, какъ-то: право голосовать налоги, выражать свое мнѣніе относительно законодательныхъ предположеній короля и т. д. Сенать увидѣлъ, что попалъ въ неловкое положеніе и сталъ спрашивать д'Артуа, какъ согласить теперешнее поведеніе короля съ тѣми обѣщаніями, которыя онъ, графъ далъ отъ имени своего брата. Генеральный лейтенантъ королевства долженъ былъ признаться, что ему не удалось снестись съ королемъ и что послѣдній поэтому не связанъ тѣми обѣщаніями, которыя за него даны были графомъ.

Герцогъ Ришелье.

По своемъ пріѣздѣ въ Парижъ, король назначилъ комиссію изъ членовъ сената и членовъ палаты депутатовъ. Ей было поручено пересмотрѣть конституцію, выработанную сенатомъ, какъ значилось, „слишкомъ поспѣшно и потому заключающую въ себѣ не вполне продуманныя нормы“. Комиссія съ меньшей поспѣшностью выработала текстъ конституціи 1814 г.

И эта конституція отправляется отъ начала раздѣленія властей, предоставляя королю полную свободу въ выборѣ своихъ министровъ и обезпечивая въ то же время независимость судебной власти въ ст. 58-й, признающей, что судьи, назначенные королемъ, несмѣняемы, — способъ выраженія, давшій возможность фальшивой интерпретаціи признанію этой несмѣняемости не по отношенію къ прежнимъ судьямъ, а только тѣмъ, которые своимъ назначеніемъ обязаны будутъ монарху. Проводя начало обособленія властей, конституція въ то же время

не только надѣляла монарха правомъ абсолютнаго veto, признавая за нимъ такимъ образомъ участіе въ самомъ осуществленіи законодательныхъ функций, но и надѣляла его сверхъ того широкимъ указнымъ правомъ, объявляя въ ст. 14, что отъ него зависитъ издавать регламенты и ордоннансы, необходимые какъ для приведенія законовъ въ исполненіе, такъ и для обезпеченія безопасности государства. На основаніи этой статьи были изданы впослѣдствіи министрами Карла X съ Полиньякомъ во главѣ знаменитые ордоннансы 1830 г., поведшіе, какъ уже сказано, къ революціи. Право законодательнаго почина признано конституціей за королемъ. Онъ можетъ обратиться съ внесеніемъ своего законопроекта безразлично къ той или другой палатѣ, къ палатѣ пэровъ или къ палатѣ депутатовъ. Исключеніе составляютъ одни налоговые законопроекты (la loi de l'impôt), подъ чѣмъ надо разумѣть бюджетъ. Онъ непосредственно поступаетъ въ палату депутатовъ. Сохранивъ за собою законодательный починъ, король предоставляетъ палатамъ ходатайствовать о томъ, чтобы королемъ внесенъ былъ на ихъ обсужденіе опредѣленный законопроектъ по опредѣленному вопросу. Въ этихъ случаяхъ каждая палата должна подвергнуть вопросъ обсужденію въ тайномъ засѣданіи. Необходимо, чтобы обѣ палаты сошлись въ одномъ рѣшеніи. Тогда только дѣло восходитъ до короля. Въ случаѣ его несогласія, вопросъ можетъ быть возбужденъ лишь въ послѣдующихъ сессіяхъ. Цивиль-листъ, т. е. бюджетъ двора устанавливается разъ навсегда на все время царствованія въ первой по времени сессіи законодательныхъ палатъ. Конституція 1814 г. придерживается системы двухъ палатъ. Король собираетъ обѣ палаты одновременно. Верхняя или палата пэровъ состоитъ изъ лицъ, возведенныхъ въ это званіе королемъ. Число ихъ неограничено. Король вправе назначать столько же пожизненныхъ сколько и наследственныхъ пэровъ. Пэры имѣютъ доступъ въ палату только по достиженіи ими 25 лѣтняго возраста и право голоса въ ней не ранѣе — въ 30 лѣтъ. Члены королевской семьи и принцы крови считаются пэрами въ силу рожденія, но могутъ засѣдать въ палатѣ только по письменному приказу короля, отдаваемому въ началѣ каждой сессіи. Пэры не могутъ быть судимы иначе, какъ палатою пэровъ и не подлежатъ задержанію безъ ея согласія. Засѣданія палаты пэровъ

Июльская революция.

С картины И. Делакруа (Музей Лувра).

не публичны. Кромѣ законодательной власти она осуществляет также власть судебную въ случаѣ государственной жизни и покушеній на государственную безопасность. Особому закону предоставлено было точнѣе опредѣлить эти случаи.

Что касается палаты депутатовъ, то она состоитъ изъ представителей, выбранныхъ на пять лѣтъ. Подлежатъ избранію только лица, достигшія 40 лѣтъ и платящія 1000 франковъ прямой подати. Избирателями могутъ быть люди, достигшіе 30-лѣтняго возраста и платящіе 300 франковъ прямой подати. Президентъ палаты назначается королемъ изъ пяти представленныхъ ему палатою кондидатовъ. Но засѣданія палаты публичны. Сама она возобновляется ежегодно выходомъ $\frac{1}{5}$ ея членовъ и дополнительными выборами. Не только законопроектъ, но и измѣненія въ немъ не могутъ быть сдѣланы иначе, какъ съ вѣдома и согласія короля. Болѣе широкими правами пользуется палата по составленію бюджета. Въ нее поступаютъ всякія предложенія по налоговому обложенію и только принятыя палатою идутъ въ верхнюю палату. Земельный налогъ голосуется срокомъ на годъ. Косвенные сборы могутъ быть установлены и на болѣе продолжительный срокъ. Король обязанъ созывать обѣ палаты ежегодно. Въ случаѣ роспуска, онъ обязанъ созвать новую палату не долѣе трехъ мѣсяцевъ послѣ роспуска. Палатамъ запрещено принимать другія петиціи, кромѣ писанныхъ. Ни одинъ депутатъ не можетъ быть задержанъ во время сессіи, а равно и шесть недѣль до и послѣ сессіи даже въ случаѣ уголовного преступленія, ни задержаніе, ни преслѣдованіе не можетъ имѣть мѣсто иначе, какъ съ разрѣшенія палаты. Только тѣ, которые застигнуты будутъ въ самый моментъ совершенія ими преступленія, представляютъ исключеніе на этотъ счетъ

Что касается до министровъ, то у нихъ не отымается право быть членами любой изъ палатъ и въ томъ случаѣ, если бы они не принадлежали ни къ одной изъ нихъ, они имѣютъ доступъ въ палату и вправѣ требовать, чтобы ихъ выслушали во всякое время. За палатою депутатовъ признано право обвинять министровъ, а за палатою пэровъ — право судить ихъ. Но основаніями къ преслѣдованію могутъ быть только измѣна и мздоимство.

Право помилованія и замѣны одного наказанія другимъ признается за однимъ королемъ. Дворянство восстанавливается, но только въ томъ смыслѣ, что ему возвращаются его титулы. Новое дворянство, созданное Наполеономъ, удерживаетъ свои. Король не въ правѣ предоставить дворянамъ изъятіе отъ налоговъ и другихъ общественныхъ обязанностей.

Въ конституцію включенъ текстъ деклараціи публичнаго права французовъ. Онъ открывается статьею, объявляющей ихъ равными передъ закономъ, одинаково призванными къ платежу налоговъ и къ занятію какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ должностей. Ихъ личная свобода пользуется равной гарантіей: никто не можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію иначе, какъ въ случаяхъ, указанныхъ закономъ и съ соблюденіемъ предписанныхъ имъ формъ. Каждый въ правѣ исповѣдывать свою религію съ равной свободой. Культъ, которому слѣдуетъ каждый, пользуется равнымъ покровительствомъ. Но это не мѣшаетъ признанію католической вѣры государственной религіей и обезпечить одному ея духовенству содержаніе изъ королевской казны. За французами признается право открыто высказывать свои мнѣнія устно и печатно, но съ соблюденіемъ законовъ, которые должны подавлять злоупотребленія этой свободой. Всѣ виды собственности одинаково не нарушимы, считая въ томъ числѣ и такъ назы-

*Жозефъ де Местръ.
Съ портрета Бульона.*

ваемые національныя имущества, т. е. конфискованныя и проданныя государствомъ земли. Признается возможность государственной экспроприации для общей пользы, но съ вознагражденіемъ.

Конституціи предпослано длинное предисловіе. Текстъ его написанъ былъ знаменитымъ в послѣдствіи министромъ реставраціи Виллелемъ. Въ этомъ предисловіи сдѣлана попытка показать, что перерыва въ конституціонномъ развитіи Франціи по 1814 г. не было. Съ этою цѣлью говорится, что сама хартія издается не въ первый годъ царствованія Людовика XVIII, а въ 19-й годъ, такъ что царствованіе признается начавшимся со дня кончины малолѣтняго Людовика XVII. Недаромъ же Наполеона объявляли въ учебникахъ исторіи въ эпоху реставраціи не императоромъ французовъ, а генераль-лейтенантомъ королевства.

Бонапартъ.

Предисловіе къ хартіи было призвано устранить всякую мысль о томъ, что ея дарованіе было кѣмъ либо вынуждено и составляетъ своего рода переломъ во французскихъ государственныхъ порядкахъ. Король оставался попрежнему монархомъ Божьею милостью. Онъ сталъ править „волею народной“ только послѣ переворота 1830 г. и, тѣмъ не менѣе царствованіе Людовика XVIII представляетъ эту эпоху въ исторіи Франціи, когда на практикѣ установился тотъ порядокъ, при которомъ правительство являлось обыкновенно выразителемъ воли большинства, если не націи, то тѣхъ кто призванъ былъ представлять ея интересы въ палатахъ.

Въ нашу задачу не входитъ исторія французскихъ законодательныхъ учреждений. Она должна найти изложеніе въ общемъ очеркѣ политическихъ судебъ Франціи. Мы перейдемъ поэтому непосредственно къ разсмотрѣнію тѣхъ измѣненій, какія внесены были въ учредительные законы новой конституціонной хартіи отъ 1830 г., дарованной послѣ переворота Людовикомъ Филиппомъ, главою Орлеанскаго дома и сыномъ участника великой революціи Филиппа Эгалите.

Эта хартія открывается словами: „Людовикъ - Филиппъ, король французовъ повелѣваетъ, чтобы хартія 1814 г., измѣненная обѣими палатами 7 августа и принятая нами 9-го, была бы обнародована въ слѣдующихъ выраженіяхъ...“ Слѣдуетъ затѣмъ новая декларация правъ, мало чѣмъ отличающаяся отъ прежней. За нею идутъ отдѣлы, посвященные формамъ королевскаго правительства, палатѣ пэровъ, палатѣ депутатовъ, судебному устройству, гарантіи спеціальныхъ правъ государства и спеціальнымъ постановленіямъ.

Въ первомъ отдѣлѣ личность короля объявляется священной и неприкосновенной, но рядомъ стоитъ заявленіе, что его министры отвѣтственны и что королю принадлежитъ вся исполнительная власть.

Въ числѣ спеціальныхъ постановленій значится, что особыми законами въ ближайшее время будетъ опредѣлена отвѣтственность министровъ и другихъ правительственныхъ агентовъ. Опредѣляя права короля, хартія говоритъ, что онъ можетъ издавать регламенты и ордоннансы для приведенія закона въ исполненіе. Вычеркнуты такимъ образомъ слова, говорящія, что поводомъ къ изданію указовъ можетъ быть и забота о государственной безопасности. Сверхъ того прибавлено: король не можетъ ни приостановить дѣйствіе законовъ, ни освободить кого либо отъ ихъ примѣненія. Это буквально та самая норма, которая принята была послѣ второй

англійской революціи въ биллѣ о правахъ, отмѣнявшая такъ называемое *suspending and dispensing power*.

О законодательной власти сказано, что она совмѣстно осуществляется королемъ, пэрами и депутатами, что опять-таки отвѣчаетъ англійскому принципу, что парламентъ состоитъ изъ короля, лордовъ и общинъ. Въ отличіе отъ хартіи 1814 г. законодательный починъ признается одинаково и за королемъ и за обѣими палатами. Во всѣхъ остальныхъ статьяхъ, нормирующихъ права короля, хартія 1830 г. воспроизводитъ нормы своей предшественницы.

Въ отдѣлѣ о палатѣ пэровъ вводится то новшество, что ея засѣданія признаются столь же публичными, какъ и засѣданія палаты депутатовъ. Особымъ закономъ вводится измѣненіе въ порядокъ возведенія королемъ въ пэрію. Статья 23-я сохранила это право за королемъ. Новый законъ вноситъ то ограниченіе, что король можетъ брать пэровъ только изъ числа слѣдующихъ нотаблей: президента палаты депутатовъ и другихъ законодательныхъ собраній, изъ депутатовъ, участвовавшихъ, по меньшей мѣрѣ, въ трехъ законодательныхъ собраніяхъ или исполнявшихъ свои обязанности шесть лѣтъ, изъ маршаловъ и адмираловъ, изъ генераловъ и вице-адмираловъ, прослужившихъ въ этомъ званіи, по меньшей мѣрѣ, два года, изъ министровъ, пословъ, буде послѣдніе прослужили три года и посланниковъ послѣ шести лѣтъ службы, изъ государственныхъ совѣтниковъ, пробывшихъ въ этомъ званіи десять лѣтъ и на тѣхъ же условіяхъ изъ префектовъ департаментовъ и префектовъ морскихъ, изъ колониальныхъ губернаторовъ послѣ пяти лѣтъ службы, изъ членовъ, избираемыхъ генеральныхъ совѣтовъ департаментовъ, буде они три раза подъ рядъ исполняли обязанности предсѣдателя, изъ мэровъ городовъ съ населеніемъ въ 30,000 человекъ, пробывшихъ пять лѣтъ въ должности мэра, изъ президентовъ кассационнаго суда и счетной палаты, изъ прокуроровъ и совѣтниковъ кассационнаго суда и членовъ счетной палаты по окончаніи ими пятнадцатилѣтней службы и на томъ же основаніи изъ предсѣдателей окружныхъ судовъ, изъ прокуроровъ тѣхъ же судовъ послѣ десятилетней службы, изъ предсѣдателей торговыхъ судовъ въ городахъ съ 30,000 жителей, если они четыре раза избраны были на этотъ постъ. За перечисленіемъ законодателей, чиновниковъ и судей, которые могутъ быть возведены въ достоинство пэра, идетъ упоминаніе о членахъ четырехъ академій института безъ всякаго упоминанія о срокѣ пребыванія въ немъ. Пэрами могутъ быть сдѣланы также простые граждане, разъ закономъ признаны ихъ выдающіяся заслуги и имъ будетъ дана національная награда, затѣмъ собственники, главы мануфактурныхъ предприятий, торговыхъ домовъ и банковъ, но лишь въ томъ случаѣ, когда они платятъ 3000 франковъ прямой подати и состоятъ членами генеральнаго совѣта или торговой палаты или судьями торговаго суда.

Виллель.
Съ портрета Модюизона.

Выговаривается право измѣнить и въ будущемъ новымъ закономъ списокъ лицъ, которыя могутъ быть возводимы въ пэрію. Число ихъ неограничено, пэрія пожизненна и не можетъ быть передаваема по наслѣдству.

Что касается до палаты депутатовъ, то единственнымъ существеннымъ измѣненіемъ надо считать пониженіе избирательнаго ценза съ 300 на 200 франковъ прямой подати. Но объ этомъ не говорится въ самомъ текстѣ хартіи, и эта мѣра проведена была отдѣльнымъ зако-

номъ. Упомянемъ еще о томъ, что въ хартіи 1830 г. не говорится о возобновленіи палаты депутатовъ, избираемой на 5 лѣтъ, каждый годъ на одну пятую, и сохранено требованіе, чтобы, по меньшей мѣрѣ, половина депутатовъ принадлежала къ числу жителей департамента отъ котораго производятся выборы. Возрастный цензъ понижается для депутатовъ до 30 лѣтъ. Предсѣдатель палаты становится выборнымъ, тогда какъ по хартіи 1814 г. онъ былъ назначаемъ королемъ. Статья 65-я вводитъ обязательную присягу короля и его преемниковъ въ присутствіи палатъ на вѣрность конституціи. Франція отъ блага знамени переходитъ къ трехцвѣтному. Обѣщано въ будущемъ изданіе закона, которымъ судъ присяжныхъ распространень будетъ и на дѣла печати. Обѣщано также введеніе въ будущемъ путемъ закона свободы преподаванія. Всѣ законы и указы, несогласные съ новой хартіей, признаются отмѣненными.

*Карль X.
(Музей Лувра).*

Исторія июльской монархіи не входитъ, разумѣется, въ нашу задачу. Мы считаемъ себя вправѣ настаивать тѣмъ не менѣе на той мысли, наглядно выступающей при чтеніи дневниковъ того времени, между прочимъ, дневника графа Апони, австрійскаго посла, что эта монархія, провозглашенная въ моментъ переворота Лафайетомъ лучшей изъ республикъ, не удержалась со временемъ и на ступени конституціонно-парламентарной.

Положеніе, высказанное Тьеромъ, что конституціонный монархъ царствуетъ, но не управляетъ, нашло себѣ опроверженіе въ постоянномъ вмѣшательствѣ короля во внѣшнюю и внутреннюю политику, не встрѣчавшаго отпора со стороны главы кабинета, которымъ долгое время былъ Гизо. Тѣмъ не менѣе июльская монархія можетъ считаться эпохою расцвѣта, если не народнаго представительства, то представительства французской буржуазіи. Рядъ выдающихся политическихъ дѣятелей и ораторовъ различнѣйшихъ партій связали съ этой эпохой свое имя. Для примѣра назовемъ Казимира Перье и Б. Констана, Тьера и Гизо, Одилона Барро и легитимиста Берье. Июльская монархія также эпоха расцвѣта французскаго журнализма. Напомнимъ хотя бы о дѣятельности Годфруа Кавеньяка и Арманъ Карреля. Первая произвела такое глубокое впечатлѣніе, что подготовила будущую, неожиданно-быструю карьеру его

брата, генерала Кавеньяка. Вторая была настолько блестящей, что потребовалось особое издание газетных статей Карреля, которое впоследствии было выполнено известным философом Литтрэ. Передовая печать с ее республиканским настроением подготовила общественную мысль к принятию вслед за переворотом 1848 г. текста новой конституции, основанной на начале народоправства. Эта конституция 4 ноября продержалась сравнительно недолго, до декабрьского переворота, сдланного в свою пользу тѣмъ, кому республиканская Франція такъ необдуманно ввѣрила свои судьбы, наследнику великой имперской традиціи, уже два раза до этого устраивавшему заговоры съ цѣлью ее оживленія. И теперь племянникъ Наполеона I, сынъ его брата, Людовика, не отступилъ передъ необходимостью новаго кровопролитія, не желая подчиниться требованію конституціи 1848 г., не допускавшей переизбранія его на новое четырехлѣтіе.

Въ виду того, что конституція второй республики, примѣненіе которой было прервано июньскимъ возстаніемъ рабочихъ, подавленнымъ генераломъ Кавеньякомъ, — не сыграла суще-

*Либеральная оппозиція въ эпоху реставраціи: 1. Бенжамень Констанъ, 2. К. Перье, 3. Генераль Фуа, 4. Де-Жирарденъ, 5. Бастеррешъ, 6. Гашленъ, 7. Генераль Тларъ, 8. Девю, 9. Ройе-Колларъ, 10. Баронъ Мешень, 11. Баронъ Тюркгеймъ, 12. Бушаръ д'Экарно, 13. Тардифъ, 14. Юманъ, 15. Шорье, 16. Кудерь.
Съ современной литографіи.*

ственной роли въ конституціонномъ развитіи Франціи, мы считаемъ нужнымъ остановиться на ней лишь настолько, насколько въ ней выпукло выступаетъ отличіе представительной республики отъ представительной монархіи. Франція становится въ полномъ смыслѣ слова народоправствомъ, такъ какъ въ основу ея положено начало всеобщаго голосованія. Это начало удержано было затѣмъ и всѣми послѣдующими конституціями, какъ въ эпоху второй имперіи, такъ и въ наши дни, съ временнымъ перерывомъ, вызваннымъ реакціей, наступившей вследъ за рабочимъ возстаніемъ въ Парижѣ. Согласно съ этимъ гл. I конституціи объявляетъ, что суверенитетъ принадлежитъ въ совокупности всѣмъ французскимъ гражданамъ; онъ не отчуждаемъ и не подлежитъ давности; ни отдѣльный человекъ, ни часть народа не можетъ присвоить себѣ его осуществленія. Французская республика объявлена республикой демократической, единой и нераздѣльной. Она признаетъ существованіе правъ, предшествующихъ во времени и превышающихъ по достоинству положительные законы, — метафизическая формула, заимствованная изъ временъ первой республики и направленная къ признанію, что у человека

есть прирожденныя права, съ которыми должно считаться государство. Подобно первой республикѣ вторая признаетъ своими принципами: „свободу, равенство и братство“. Чтобы отбѣнить свой консерватизмъ въ дѣлѣ общественнаго устройства, конституція объявляетъ въ своемъ вступительномъ отдѣлѣ, что основою республики будетъ служить семья, трудъ, собственность, государственный порядокъ. Въ число основъ необходимо включить и религію, такъ какъ сама конституція открывается словами: „Въ присутствіи Бога и отъ имени французскаго народа національное собраніе объявляетъ“... Во вступленіи можно найти также рядъ красивыхъ фразъ о намѣреніи Франціи итти по дорогѣ прогресса и цивилизаціи, о ея уваженіи къ другимъ народамъ, нежеланіи вести завоевательныя войны и принимать насильственныя дѣйствія противъ свободы какого-либо народа, о томъ, что граждане должны любить отечество, служить республикѣ, защищать ее цѣною жизни, участвовать въ несеніи издержекъ государства пропорціонально своему состоянію; тѣ же граждане призваны обеспечивать свое

Іюльская революція 1830 г.

состояніе трудомъ, оказывать другъ другу братскую помощь, соблюдать нравственные законы и законы писанные, управляющіе жизнью общества, семьи и индивида. Болѣе реальное значеніе имѣетъ заявленіе, что республика должна защищать каждого гражданина въ его личности, семьѣ, религіи, собственности, трудѣ, что она должна сдѣлать доступнымъ для всѣхъ людей всѣмъ необходимымъ образованіе. Та же республика призывается братской благотворительностью обеспечить существованіе нуждающихся гражданъ частью путемъ обезпеченія труда въ предѣлахъ принадлежащихъ ей средствъ, частью дарованіемъ въ случаѣ недостатка семьи пособій тѣмъ, которые не въ состояніи трудиться. Въ этихъ положеніяхъ выступаетъ признаніе двухъ новыхъ началъ — права на трудъ, о которомъ говорили еще Тюрго и Монтескье, и права на полученіе дароваго образованія на счетъ государства. Право на трудъ понимается въ англійскомъ смыслѣ слова: со временъ Елизаветы въ Англійи установленъ особый сборъ, позволяющій приходамъ, а впослѣдствіи и союзамъ этихъ приходовъ, доставлять работу без-

работнымъ въ стѣнахъ рабочаго дома, а тѣмъ изъ нихъ, которые потеряли способность трудиться, денежную помощь внѣ стѣнъ рабочаго дома. Опираясь на эту практику, и авторъ „Духа Законовъ“ и министр-реформаторъ Людовика XVI считали возможнымъ рекомендовать признаніе государствомъ обязанности спѣшить на помощь нуждающимся доставленіемъ имъ труда.

Конституція 1848 г. заключаетъ въ себѣ также цѣлую главу о гарантированныхъ ею правахъ гражданъ. Въ этомъ перечнѣ субъективныхъ правъ отмѣтимъ упоминаніе о неприкосновенности жилища, отмѣну смертной казни за политическія преступленія, отмѣну рабства на протяжении всѣхъ французскихъ владѣній, право ассоціацій, право собранія и сходокъ подъ условіемъ являться невооруженными. Право петицій, право выраженія своихъ мыслей путемъ печати, или иначе отмѣна предварительной цензуры, свобода преподаванія подъ выговореннымъ надзоромъ правительства, — одинаково обезпечены съ тою общею оговоркой, что пользование этими правами не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, какія создаютъ права

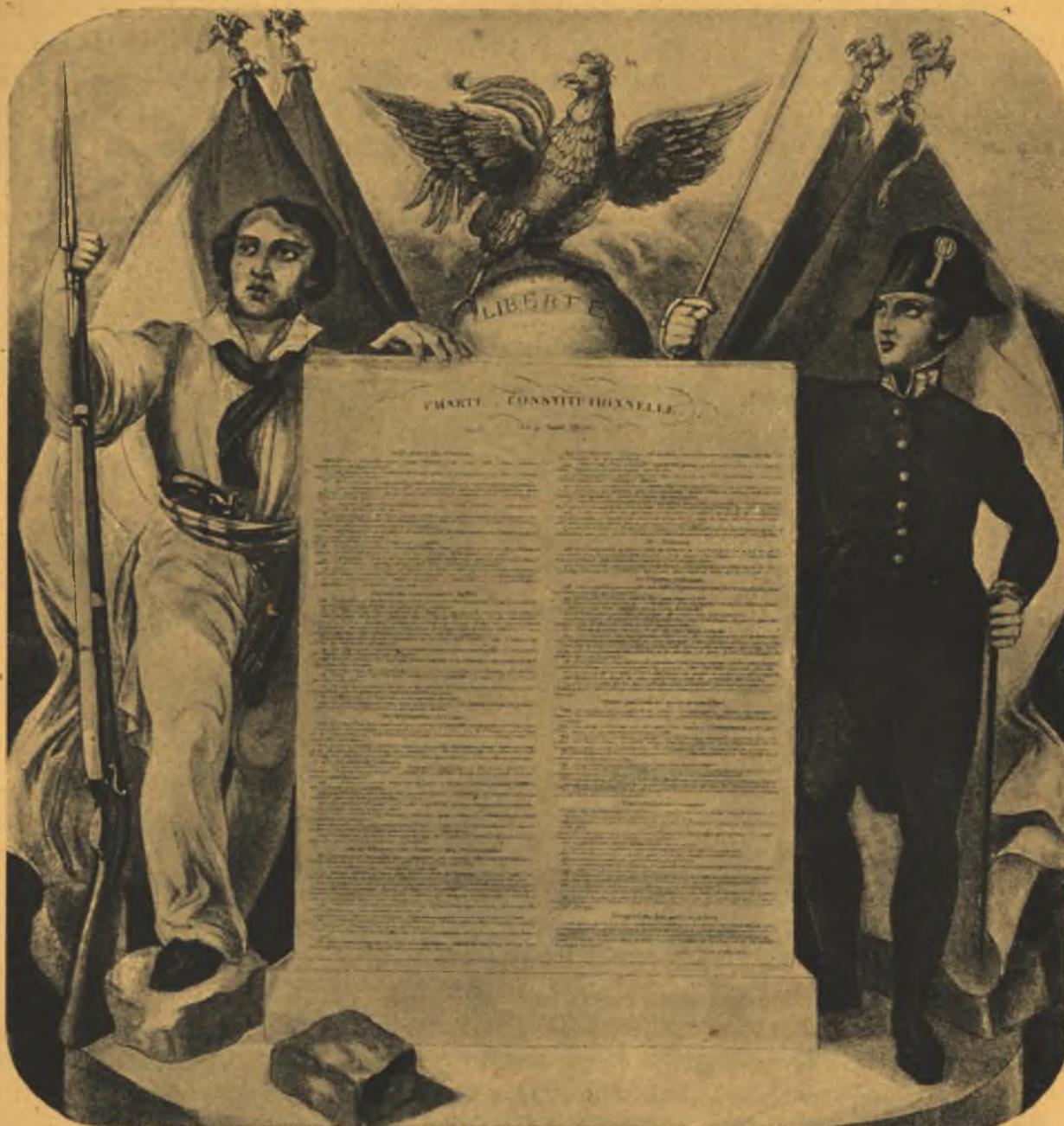
*Постройка баррикадъ (іюль 1830 г.).
Съ литографіи Адамса.*

или свобода другихъ и общественная безопасность. Конституція отмѣняетъ дворянскіе титулы и всякія различія, создаваемыя рожденіемъ, классомъ или кастою. Она гарантируетъ гражданамъ свободу труда и промышленности и объясняетъ свое отношеніе къ нимъ слѣдующимъ, довольно подробнымъ разсужденіемъ: „Общество поощряетъ развитіе труда даровымъ начальнымъ образованіемъ, профессиональнымъ обученіемъ, равенствомъ отношеній между предпринимателемъ и рабочимъ, сберегательными кассами и кредитными учрежденіями, земледѣльческими предпріятіями, добровольными ассоціаціями и заведеніемъ, какъ государствомъ, такъ и департаментами и общинами публичныхъ работъ для занятія тѣхъ, кто остался безъ труда. Общество оказываетъ призрачнѣе дѣтямъ, оставленнымъ на произволъ судьбы, калѣкамъ и старикамъ, не имѣющимъ средствъ и которымъ ихъ семьи не могутъ давать пособія“.

Весь этотъ абзацъ является болѣе подробнымъ перечнемъ тѣхъ обязательствъ, которыя принимаетъ на себя республика по отношенію къ образованію и доставленію труда безработ-

нымъ-неимущимъ. Очевидно, что обѣщанія идутъ значительно далѣе созданія тѣхъ національныхъ мастерскихъ, въ которыя вылилась забота правительства о безработныхъ и которымъ суждено было сыграть роковую роль въ подготовленіи іюньской революціи.

Въ главѣ о публичныхъ властяхъ дано одновременно выраженіе двумъ принципамъ, установленнымъ политической философій XVIII вѣка, принципу народного самодержавія, про-

Конституціонная Хартія 1830 г.

возглашенному Руссо и отстаиваемому Монтескье въ интересахъ свободы принципу раздѣленія властей. Эти два начала, по природѣ своей исключаютъ другъ друга (вѣдъ недѣлимый и неотчуждаемый народный суверинитетъ не мирится съ обособленіемъ законодательства, суда и исполненія),—изложены такимъ образомъ, что уживаются какъ нельзя лучше. Въ этомъ отношеніи конституція 1848 г. продолжаетъ традицію первой республики. „Всѣ публичныя власти, гласитъ ст. 18, каковы бы онѣ не были истекають изъ народа. Онѣ не могутъ быть делегированы въ наслѣдственное пользованіе“. „Раздѣленіе власти, провозглашаетъ въ свою оче-

редь ст. 19-я, первое условіе свободнаго правительства“. „Французскій народъ делегируетъ законодательную власть, читаемъ мы въ ст. 20-ой, единому собранію“. Ст. 24-я вводитъ начало всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія. Право участія въ политическихъ выборахъ достигается двадцатиоднолѣтнимъ возрастомъ, а право быть депутатомъ,—двадцатипятилѣтнимъ. Отпадаетъ требованіе о пребываніи въ одномъ мѣстѣ опредѣленнаго числа лѣтъ или мѣсяцевъ. При распредѣленіи депутатскихъ мѣстъ по департаментамъ принимается во вниманіе одна ихъ населенность. Голосуются списки депутатовъ отъ департамента (scrutin de liste). Допущенъ принципъ переизбранія, но выборы производятся всего на три года. Запрещено давать депутатамъ повелительные мандаты. Депутатамъ предоставлено вознагражденіе, отъ котораго они не въ правѣ отказываться. Кворумъ палаты опредѣленъ въ $\frac{1}{2}+1$ всѣхъ депутатовъ. Право законодательнаго почина признано за каждымъ изъ депутатовъ въ отдѣльности. Палата признана постоянной, но можетъ сама отсрочить свои засѣданія на извѣстный срокъ.

*Провозглашеніе Луи Филиппа Орлеанскаго королемъ французамъ въ палатѣ депутатовъ.
Съ литографіи Адана.*

Право ея созыва предоставлено комиссіи, составленной изъ членовъ бюро и двадцати пяти депутатовъ, выбранныхъ путемъ тайнаго голосованія. Президентъ республики также имѣетъ право созывать собраніе. Послѣднее само выбираетъ свое мѣстопробываніе. Оно опредѣляетъ численность военной силы, необходимой для его безопасности и распоряжается этой силой. Право законодательнаго почина признано за каждымъ депутатомъ въ отдѣльности. Собранія палаты признаются публичными, а ея члены не подлежащими задержанію. Во главѣ исполнительной власти поставленъ президентъ. „Народъ французскій, говоритъ ст. 43, делегируетъ исполнительную власть гражданину, получающему названіе президента республики. Имъ можетъ быть только французъ по рожденію, достигшій 30-лѣтняго возраста. Избирается президентъ на четыре года и не подлежитъ переизбранію. Выборы производятся путемъ прямого и тайнаго голосованія всѣми избирателями въ французскихъ департаментахъ и въ Алжирѣ. Чтобы быть избраннымъ, достаточно простого большинства. Передъ вступленіемъ въ должность президентъ приноситъ присягу на вѣрность республикѣ,—демократической, единой и нераз-

дѣльной,—и въ исполненіе всѣхъ обязанностей, возложенныхъ на него конституціей. Присяга приносится въ національномъ собраніи. Функціи президента изложены въ рядѣ статей, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующую: президентъ въ правѣ представлять національному собранію законопроекты чрезъ посредство своихъ министровъ. Такимъ образомъ, обособленіе властей не проведено такъ далеко, какъ въ конституціяхъ первой республики. Органы исполнительной власти не лишены законодательнаго почина. Но въ то же время министры не могутъ быть членами палаты, такъ какъ имѣется статья, запрещающая занимать депутатамъ какую либо платную должность. Право помилованія признается за президентомъ, но не иначе, какъ съ согласія гос. совѣта. Амнистія же или всепрощеніе вотируется народнымъ собраніемъ. Президентъ назначаетъ и отставляетъ министровъ. Число ихъ и функціи опредѣляются законодательной властью. Всѣ акты президента за исключеніемъ тѣхъ, которые касаются назначенія и отставки министровъ, имѣютъ силу только подъ условіемъ скрѣпы одного изъ министровъ. Президентъ республики, министры, правительственные агенты и другіе органы власти

*Колесница свободы: „Легче остановить солнце!“
Сатирический рисунокъ время польской революціи.*

отвѣтственны, каждый въ предѣлахъ своихъ полномочій, за всѣ правительственные и административные акты. Всякое мѣропріятіе, которымъ бы президентъ республики вздумалъ распустить національное собраніе, отсрочить его засѣданіе и вообще воспрепятствовать осуществленію имъ его мандата, признается актомъ государственной измѣны. Президентъ тѣмъ самымъ теряетъ свои полномочія, граждане призываются отказывать ему въ повиновеніи, исполнительная власть переходитъ къ національному собранію, члены верховнаго суда собираются немедленно подъ страхомъ отвѣтственности и приглашаютъ присяжныхъ сойтись въ указанномъ имъ мѣстѣ съ цѣлью приступить немедленно къ суду надъ президентомъ и его сообщниками. Позднѣйшему закону предоставлено опредѣлить отвѣтственность въ другихъ случаяхъ, а равно и формы и условія, въ какихъ должно происходить судебное преслѣдованіе. За министрами ст. 69 признаетъ право входа въ національное собраніе. Они должны быть выслушаны каждый разъ, когда пожелаютъ и могутъ имѣть помощниковъ въ комиссарахъ, назначенныхъ декретомъ президента республики. Это своего рода министры безъ портфелей. Рядомъ съ президентомъ имѣется вице-президентъ, выбираемый національнымъ собраніемъ изъ трехъ кандидатовъ, предложенныхъ президентомъ республики. Этотъ вице-президентъ заступаетъ мѣсто президента, если бы послѣдній попалъ въ невозможность самъ осуществлять свою

власть. Но въ случаѣ кончины президента, выхода его въ отставку, въ теченіе мѣсяца должны быть произведены новые выборы. Вице-президентъ по праву является председателемъ гос. совѣта, члены котораго выбираются на шесть лѣтъ и не могутъ быть отставлены иначе, какъ національнымъ собраніемъ по предложенію президента республики. Гос. совѣтъ долженъ вы-

Гарбесъ.

сказаться насчетъ всѣхъ проектовъ закона, предлагаемыхъ правительствомъ или національнымъ собраніемъ. Онъ подготавливаетъ всѣ регламенты публичной администраціи и составляетъ тѣ регламенты, право избранія которыхъ делегировано ему національнымъ собраніемъ. Онъ контролируетъ и надзираетъ поведеніе всѣхъ публичныхъ властей, въ силу делегаціи національнаго собранія. Прочія его функціи должны быть опредѣлены закономъ. Обнародованіе законовъ принадлежитъ президенту. Для законовъ признанныхъ неотложными, положенъ 3-хъ дневный срокъ, для остальныхъ — мѣсячный. До его истеченія президентъ въ правѣ въ формѣ мотивированнаго посланія просить новаго обсужденія закона собраніемъ. Если собраніе, послѣ новаго обсуждения, признаетъ законъ желательнымъ, принятое имъ рѣшеніе считается окончательнымъ, и президентъ обязанъ обнародовать новый законъ въ трехдневный срокъ. Такимъ образомъ, veto короля, сперва абсолютное, потомъ относительное, сводится къ одному праву президента приостановить на нѣсколько мѣсяцевъ

обнародованіе закона и потребовать новаго его обсуждения, которое на этотъ разъ считается окончательнымъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что вторая республика не вводитъ парламентскаго образа правленія, хотя до нѣкоторой степени приближается къ нему. Коллективной отвѣтственности министровъ она не знаетъ, солидарность между ними не объявляется необходимой. Но скрѣпа министромъ актовъ президента освобождаетъ послѣдняго отъ отвѣтственности во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ самый актъ не покушается на права законодательной камеры и не приурочивается поэтому къ понятію государственной измѣны. Въ такомъ случаѣ отвѣтственность падаетъ на всѣхъ участниковъ, начиная съ самого президента, который долженъ поплатиться за нее своею должностію и подвергнуться судебному преслѣдованію.

Мы остановились болѣе подробно на тѣхъ статьяхъ конституціи 1848 г., которыя носятъ теоретическій характеръ или не потеряли своей силы до настоящаго времени. „Органическіе законы“ третьей республики, законы 1875 г. регулировали, какъ мы покажемъ, только нѣкоторыя стороны политическаго устройства Франціи. Все, что касается, напр., начала всеобщаго голосованія и публичныхъ правъ гражданъ, ими не предусмотрено. Руководящія въ этомъ отношеніи начала установлены еще конституціей 1848 г.

Государственный переворотъ 2 декабря въ значительной степени вызванъ къ жизни этой статьей конституціи, которая запрещала переизбраніе президента. Его исторія не входитъ въ мою задачу, какъ и подробное изложеніе имперской конституціи, при которой права народнаго представительства сведены были къ минимуму. Не лишень интереса только текстъ самой

Бланки.

прокламаціи, въ которой Наполеонъ III указывалъ на руководившіе имъ принципы при возстановленіи имперіи. Эти принципы выдаваемы были за возрожденіе тѣхъ, которые руководили первымъ консуломъ. Въ своей прокламаціи къ французскому народу новый императоръ прямо говоритъ, что новая конституція заимствовала свои положенія изъ конституціи VIII-го года, т. е. консульской. „Въ нашей странѣ, монархической, за послѣднія восемьсотъ лѣтъ центральная власть постоянно возрастала. Королевская власть уничтожила великихъ вассаловъ. Сами революціи уничтожили препятствіе быстрому и однообразному проявленію авторитета. Въ этой странѣ централизаціи общественное мнѣніе привыкло все относить къ правительству, какъ доброе, такъ и злое. Поэтому, поставить во главѣ хартіи, что президентъ безответственъ, это итти прямо вразрѣзъ съ національнымъ чувствомъ, это оживлять фикцію, которая три раза была разсѣяна революціей. Настоящая конституція объявляетъ, наоборотъ, что выбранный Вами глава передъ Вами ответственъ, что онъ всегда можетъ апеллировать къ Вашему

Февральская революція 1848 г.

верховному приговору, дабы Вы могли или продолжить ему Ваше довѣріе, или отказать въ немъ. Будучи ответственъ, онъ долженъ быть свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не встрѣчать препонъ. Отсюда необходимость для него имѣть министровъ, которые были бы уважаемыми и могущественными помощниками при проведеніи его мыслей, но которые не образывали бы ответственного совѣта, составленными изъ солидарныхъ между собою членовъ, такъ какъ это является ежедневнымъ препятствіемъ для личнаго почина главы государства. Такой совѣтъ былъ бы выраженіемъ политики, исходящей отъ палаты, а слѣдовательно подвергнутой частымъ измѣненіямъ. Онъ былъ бы препятствіемъ для всякой послѣдовательности, для всякаго примѣненія правильной системы... Какой контроль будетъ впредь осуществляться собраніями? Палата, получающая имя законодательнаго корпуса, вотируетъ законы и налогъ. Она выбирается всеобщимъ голосованіемъ, но не по департаментскимъ спискамъ. Избирая отдѣльно cadaго депутата, народъ болѣе можетъ оцѣнить заслуги cadaго. Палата впредь будетъ состоять всего-на-всего изъ 260 членовъ и будетъ называться законодательнымъ корпусомъ. Первая изъ гарантій—спокойствіе, въ которомъ будутъ протекать дебаты. Протоколь будетъ впредь печататься официально и изготовляться президентомъ палаты.

Законодательный корпусъ свободно вотируетъ законъ, принимаетъ или отвергаетъ его. Но онъ не вводитъ въ него неожиданныхъ дополненій, которыя часто разрушаютъ всю законодательную систему; тѣмъ болѣе онъ лишенъ законодательнаго почина,—источника всевозможныхъ злоупотребленій, почина, позволявшаго каждому депутату вставать на мѣсто правительства и представлять наименѣе разработанный и углубленный законопроектъ. Такъ какъ палата не будетъ встрѣчаться лицомъ къ лицу съ министрами и такъ какъ проекты, изготовляемые въ Гос. Совѣтѣ, будутъ защищаться его ораторами, время не будетъ теряться на праздныя интерпелляціи, на легкомысленныя обвиненія, на страстную борьбу, направленную къ тому, чтобы низлагать министровъ, съ цѣлью замѣнить ихъ. Такимъ образомъ обсуждения законодательнаго корпуса станутъ свободными. Источники бесплодной агитаціи будутъ упразднены. Благоразумная медленность будетъ введена въ модификацію законовъ. Народные уполномоченные займутся серьезными дѣлами съ полнымъ знаніемъ дѣла. Другое

*Возставшій народъ сжигаетъ тронъ у подножья Іюльской колонны (февраль 1848 г.).
Съ литографіи Арну и Адама.*

собраніе получаетъ названіе Сената. Оно будетъ составлено изъ тѣхъ элементовъ, которые во всѣхъ странахъ пользуются законнымъ авторитетомъ, а именно: славное имя, хорошее состояніе, талантъ и услуги, оказанныя государству. Сенатъ не будетъ болѣе по образцу палаты пэровъ блѣднымъ отраженіемъ палаты депутатовъ, палаты, повторяющей на разстояніи нѣсколькихъ дней тѣ же дебаты, но только въ другомъ тонѣ. Онъ будетъ хранителемъ основнаго договора и свободъ, примиримыхъ съ конституціей. Отправляясь отъ великихъ принциповъ, на которыхъ построено наше общество, онъ будетъ предлагать исполнительной власти, новыя законопріятія. Его вмѣшательство послѣдуетъ или въ отсутствіе законодательнаго корпуса или для истолкованія конституціи и для обезпеченія ея правильнаго хода. Онъ въ правѣ аннулировать всякій произвольный и незаконномѣрный актъ. Онъ такимъ образомъ зомъ призванъ осуществлять въ государствѣ независимую, спасительную и консервативную роль старыхъ судебныхъ парламентовъ. Верховный судъ, выбранный въ рядахъ высшей магистратуры, при которомъ въ роли присяжныхъ выступятъ члены генеральныхъ совѣтовъ департаментовъ, одинъ въ правѣ будетъ судить покушенія, направленныя противъ главы госу-

дарства и общественной безопасности. Сенать съ согласія правительства можетъ измѣнять въ конституціи все, что не является основнымъ. Что же касается ея первоосновъ, санкціонированныхъ Вашими голосованіями путемъ плебисцита, можетъ подвергнуться новому измѣненію только подъ условіемъ Вашей ратификаціи. Такимъ образомъ народъ всегда останется хозяиномъ своихъ судебъ“.

IV.

Не считаю нужнымъ въ общемъ очеркъ конституціонной жизни Франціи останавливаться сколько-нибудь подробно на порядкахъ, которые отъ свободныхъ учреждений сохраняли одинъ лишь внѣшній обликъ. Отмѣчу мимоходомъ только тотъ фактъ, что въ конституціи 14 января 1852 г. еще удержаны были термины республика и ея президентъ, но въ томъ же году 7 ноября сенатомъ изданъ былъ такъ называемый „сенатусъ-консулътъ“, — терминъ, заимствованный изъ римской государственной практики и означавшій право издавать обще-обяза-

Временное правительство 1848 года.

*Флоконъ.
Луи Бланъ.
Мари.*

*Дюпонъ де л'Эръ.
Кремеъ.
Араго.*

*Альберъ.
Ледрю-Ролленъ.
Ламартинъ.*

*Гарнье-Пажесь.
Марра.*

тельные нормы, регулирующія, какъ говорить ст. 27-я, вопросы, не прямо предусмотрѣнные конституціей, но необходимые для ея правильного хода. Этимъ актомъ возстановлена была императорская власть въ лицѣ Наполеона III. Новымъ однохарактернымъ актомъ отъ 25 декабря 1852 г. видоизмѣненъ рядъ статей конституціи въ монархическомъ смыслѣ, и за императоромъ, въ частности, признано право назначать для присутствія въ сенатѣ, какъ значителся, не болѣе 150 человекъ. вмѣстѣ съ высшими сановниками государства, начальствующими въ арміи и флотѣ, архіепископами и епископами, эти 150 человекъ образовывали вполнѣ зависимую отъ императора законодательную палату, которой предоставлено было право истолкованія конституціи, восполненія ея новыми нормами и забота о томъ, чтобы вновь издаваемые законы не противорѣчили ея духу. Статья 29-я конституціи, удержанная въ силѣ и послѣ изданія вышеупомянутаго сенатусконсулъта, постановляла, что отъ сената зависитъ сохраненіе или упраздненіе всякихъ актовъ, на неконституціонность которыхъ будетъ указана ему правительствомъ или въ петиціи гражданъ. Въ число правомочій сената входила и замѣна законодательнаго корпуса въ случаѣ его роспуска и до момента новаго созыва. Чтобы послѣдовала такая замѣна требовалось предложеніе со стороны главы исполнительной власти.

Съ 1861 г. начался поворотъ къ болѣе свободнымъ порядкамъ, поворотъ медленный и ускорившійся лишь къ концу имперіи, когда престарѣлый императоръ, желая обезпечить наслѣдованіе престола своему сыну, рѣшился уступить новому подъему либеральныхъ теченій, сказавшемуся далеко не въ одной только Франціи, и увѣнчать, какъ онъ выражался, зданіе созданныхъ имъ порядковъ. Начало такъ называемой либеральной имперіи можно вести съ 1867 г., хотя дѣйствительностью она стала только со времени министерства Эмиля Оливье, министерства 2 января 1869 г.

Отмѣтимъ важнѣйшіе этапы, пройденные учрежденіями второй имперіи на пути отъ неограниченности къ парламентаризму. Въ 1861 г. сенатусконсультомъ 2 февраля введена была практика обнародованія стенографическаго отчета засѣданій обѣихъ палатъ въ „Правитель-

*Подавленіе іюньскаго возстанія рабочихъ въ 1848 г.
Съ литографіи Марше.*

ственномъ Вѣстникѣ“; прочимъ газетамъ дозволено было воспроизводить только этотъ официальный отчетъ, составляемый подъ контролемъ предсѣдателя собранія. Пять лѣтъ спустя, новымъ сенатусконсультомъ подвергнута измѣненію статья 40-я, которою у депутатовъ отнято было право вносить измѣненія въ текстъ предложенныхъ ими законопроектовъ иначе, какъ съ предварительнаго одобренія гос. совѣта. Законодательному корпусу разрѣшено вторично отсылать въ собственную комиссію отвергнутую гос. совѣтомъ поправку съ тѣмъ, однако, что новый отказъ гос. совѣта въ пропускъ этой вторично просмотрѣнной поправки будетъ считаться окончательнымъ. Сенатусконсультъ 16 марта 1867 г. расширяетъ права сената, какъ хранителя основныхъ законовъ или конституціи. Сенатъ можетъ воспротивиться опубликованію законовъ, посягающихъ на конституцію, религію, нравственность, свободу культовъ, индивидуальную свободу, равенство гражданъ передъ закономъ, неприкосновенность собственности и несмѣняемость судей, а также законовъ, которые могли бы нанести вредъ интересамъ военной защиты страны. За сенатомъ признано также право требовать вторичнаго обсужденія законодательнымъ корпусомъ уже вотированнаго имъ проекта въ ближайшую сессію. Путемъ декретовъ, изданныхъ въ томъ же 1867 г., внесены существенныя измѣненія во внутренній распо-

въ 1860 г. порядка составленія адресовъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь; признано право законодательнаго почина сенатусконсультовъ не за однимъ императоромъ, но и за членами высокаго собранія. Защита законопроектовъ, вносимыхъ правительствомъ, представлена не только отдѣльнымъ министрамъ, но особымъ комиссарамъ, назначеннымъ особыми декретами. Это такъ называемые министры безъ портфеля, обыкновенно вербуемые изъ среды людей, извѣстныхъ своимъ краснорѣчіемъ и готовыхъ поддерживать политику правительства, не принимая въ то же время никакого участія въ самомъ ея направленіи. Въ 1860 г. пишетъ Эмиль Оливье въ XII томѣ своего сочиненія „О Либеральной Имперіи“: „отъ императора зависѣло дать или отказать свободѣ; въ 1867 г. онъ уже въ гораздо меньшей степени пользовался

Генералъ Кавеньякъ, глава исполнительной власти (іюль 1848 г.).

такой свободой выбора, въ 1869 г. — онъ окончательно потерялъ ее“. Свобода становилась необходимой. Отъ нея зависѣло спасеніе имперіи. Революціонеры боялись, что правительство откроетъ эту истину. Реакціонеры, такъ называемые мамелюки, рекомендовали производство новаго *coup d'Etat*. Либералы типа Э. Оливье готовы были спасти имперію подъ условіемъ рѣшительнаго перехода правительства къ порядкамъ парламентаризма. Оливье утверждаетъ, что идея новаго государственнаго переворота ни разу не пришла на умъ Наполеону. Бывшій префектъ полиціи Мопъ въ частной перепискѣ заявлялъ, что либеральная имперія сдѣлается незыблемой основой Наполеоновской династіи. „Мы вступаемъ въ новую эру и надо быть слѣпымъ, чтобы не исповѣдывать вѣры въ ея величіе“. Ни Руэръ, ни его ближайшіе единомышленники не обнаруживали готовности вступить на опасный путь переворотовъ. Самъ Персиньи, принявшій такую выдающуюся роль въ *coup d'Etat* второго декабря въ письмѣ къ Э. Оливье заявлялъ, что никогда въ его мысль не входило, чтобы Наполеонъ не могъ помириться съ свободой въ любой формѣ. Вновь избранная палата была созвана въ экстренную сессію для одной повѣрки полномочій. 116 депутатовъ не сочли возможнымъ удовлетво-

ваться этимъ и рѣшили интерpellировать правительство по вопросу о необходимости болѣе дѣятельнаго и болѣе полнаго привлеченія страны къ руководительству дѣлами. Глава правительства, Руэръ, желая предупредить успѣхъ такой интерpellаціи противопоставилъ ей другую, подписанную однимъ изъ его политическихъ друзей и гласившую: „Мы намѣрены довести до свѣдѣнія правительства о необходимости дать новый обликъ учреждениямъ имперіи увеличеніемъ сферы дѣятельности и контроля законодательнаго корпуса. Средствомъ къ этому должно служить возстановленіе права представлять адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь, расширеніе и упрощеніе порядка производства запросовъ правительству, расширеніе права предлагать измѣненіе въ законопроектахъ, предоставленіе палатѣ выбора всѣхъ членовъ своего бюро“. 116 депутатовъ, чтобы обезпечить себѣ уснѣхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ рѣшились внести въ свою программу требованіе отвѣтственнаго министерства. Сторонники Руэра возражали противъ этого требованія, говоря, что императоръ скорѣе откажется отъ власти, чѣмъ отъ той статьи конституціи, которая дѣлала его отвѣтственнымъ передъ народомъ и давала ему возможность непосредственнаго обращенія къ послѣднему, минуя палаты. Но такъ какъ въ числѣ лицъ, готовыхъ скрѣпить своею подписью интерpellацію 116-ти, оказались лица, состоявшія въ прямой перепискѣ съ императоромъ, то образовавшемуся блоку стало яснымъ, что послѣдній не пойдетъ противъ предлагаемыхъ ему новыхъ порядковъ. Несомнѣнно, что въ поведеніи 116-ти заключалось своего рода нарушеніе началъ конституціи, такъ какъ право внесенія измѣненій въ ней было предоставлено одному сенату, но правительство, считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ не сочло возможнымъ затормозить движеніе ссылкой на превышеніе власти. Глава правительства, Руэръ, обратился къ болѣе дѣйствительному приему: при открытіи палаты онъ прочелъ текстъ имперскаго посланія къ депутатамъ, въ которомъ самъ Наполеонъ заявлялъ о твердомъ намѣреніи пойти навстрѣчу новымъ запросамъ и расширить правомочія законодательнаго корпуса, не нарушая въ то же время основъ конституціи. Императоръ обѣщавъ созвать сенатъ и поставить на его обсужденіе слѣдующіе вопросы: предоставленіе законодательному корпусу права избирать свое бюро и составлять свой законъ; упрощеніе порядка измѣненія текста законопроектовъ и обсуждения поправокъ къ нимъ, голосованіе бюджета по главамъ съ цѣлью усилить контроль законодательнаго корпуса; это было равносильно отмѣнѣ той практики переноса доходовъ съ одной статьи издержекъ на другую въ предѣлахъ вѣдомства одного и того же министра, которая допускалась текстомъ конституціи 1852 г. и неудобство которой признано было недавно и русской Государственной Думой въ законѣ о бюджетѣ, внесенномъ въ весеннюю сессію 1914 г. Посланіе Наполеона включало въ себя еще обѣщаніе — подвергнуть обсужденію сената вопросъ о расширеніи права интерpellаціи и упраздненіе запрета депутатамъ нести публичныя должности, въ томъ числѣ — должность министра. Послѣднее заявленіе было равносильно выраженію готовности пойти на опытъ парламентскаго образа правленія. Императоръ признавалъ всѣ эти реформы естественнымъ развитіемъ мѣръ, какія были внесены ранѣе въ учрежденіе имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ

Наполеонъ III.
Изъ императорскаго календаря на 1853 г.

онъ заявлялъ о необходимости сохранить за нимъ тѣ прерогативы, которыя ввѣрены были ему народомъ для охраны порядка и общественнаго уклада. (Посланіе отъ 11 іюля 1869 г.).

Министерство Эмиля Оливье и сдѣлалось вскорѣ осуществленіемъ этой идеи солидарнаго, вышедшаго изъ большинства палаты и ею контролируемаго кабинета. Самъ Руэръ, въ рукахъ котораго продолжало оставаться руководство дѣлами, предложилъ Наполеону сразу пойти на всѣ уступки и пойти въ частности на опытъ политической отвѣтственности министровъ. Императоръ, по словамъ Э. Оливье, представилъ на это то формальное возраженіе, что подобную перемѣну нельзя сдѣлать въ формѣ сенатусконсульта, такъ какъ она касается самыхъ основъ конституціи, къ плебисциту же императоръ прибѣгать не хотѣлъ, объявляя, что берегаетъ обращеніе къ нему на дурной день, видя въ немъ послѣднее средство спасенія. Пока же прибавлялъ онъ, я не хочу обращаться къ другому приему, кромѣ сенатусконсультовъ, такъ какъ тѣмъ же порядкомъ я могъ бы взять и обратно проведенныя реформы, разъ опытъ доказалъ бы ихъ непригодность¹⁾.

При обсужденіи текста новаго сенатусконсульта слышались въ верхней палатѣ голоса:

Правительство національной обороны: Кремье, Ле Фло, Пикарь, Фуришонъ, Ж. Фавръ, Трошю, Гамбетта, Дортанъ, Ж. Симонъ, Маньенъ.

„это не увѣнчаніе зданія, это его разрушеніе“. Новый актъ надѣлялъ сенатъ правомъ, не соглашаясь съ предложеннымъ ему законопроектомъ, вносить въ него измѣненіе и въ случаѣ несогласія палатъ пойти на нихъ отсрочивать дальнѣйшее рѣшеніе на цѣлую сессию. Публичность засѣданій и право интерпелляцій были обезпечены сенату, тогда какъ законодательный починъ удержанъ за одной нижней палатой. Равенство между обѣими камерами въ отношеніи къ инициативѣ реформъ до нѣкоторой степени возстановлялось правомъ сената—обращаться къ императору съ письменнымъ заявленіемъ о необходимости провести тѣ или другія мѣропріятія національнаго интереса черезъ обѣ палаты, при чемъ самъ сенатъ устанавливалъ основныя начала задуманной имъ реформы. Новый сенатусконсультъ вызвалъ негодованіе консервативной партіи, органомъ которой была редактированная де Кассаньякомъ газета „Страна“. Наоборотъ, онъ встрѣтилъ горячую поддержку либеральныхъ публицистовъ съ Прево-Парадолемъ и Эм. Жирардэнъ во главѣ. Послѣдній признавалъ за нимъ большее значеніе, чѣмъ за тѣми измѣненіями, какія сдѣланы были въ конституціонной хартіи Людовика XVIII Людовикомъ-Филиппомъ при его воцареніи, а именно 9 августа 1830 г. Послѣ неудачной попытки протянуть существованіе консервативнаго министерства, Наполеонъ III обратился къ

¹⁾ Оливье, т. XII стр. 34.

Эм. Оливье и поручилъ ему подъ своимъ, однако, контролемъ составленіе новаго кабинета. Въ составъ его вошли люди, принадлежавшіе не къ одному только правому, но и къ лѣвому центру. При пріемѣ на новый годъ членовъ законодательнаго корпуса императоръ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, значилось, что онъ идетъ на раздѣлъ отвѣтственности съ палатами и пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ увѣренность, что ему станетъ легче выходить изъ тѣхъ затрудненій, какія могутъ представляться въ будущемъ.

„Путешественникъ, прошедшій долгій путь и складывающій съ плечъ часть клажи, прибавилъ Наполеонъ, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ новыя силы для продолженія своего пути“. Рѣчь, сказанная Э. Оливье, при первомъ же выступленіи въ Палатѣ, была открытой проповѣдью парламентаризма. „Мы будемъ признательны большинству, сказалъ онъ, за его поддержку и оппозиціи за ея критику принимаемыхъ нами мѣропріятій, а въ тотъ день, когда въ этомъ собраніи образуется группа людей, располагающая большинствомъ, мы охотно передадимъ власть въ ея руки, на какихъ бы скамьяхъ она не сидѣла ¹⁾“. „Оппозиція, какую онъ встрѣтилъ на лѣвыхъ скамьяхъ была вызвана антидинастическими интересами, болѣе или менѣе скрываемымъ желаніемъ покончить съ самымъ существованіемъ Бонапартистской имперіи и замѣнить ее республикой. Что касается до правой, то она прекратила свою поддержку новому министерству лишь съ того момента, когда глава кабинета высказалъ рѣшительное осужденіе официальной кандидатурой, очевидно, непримиримымъ съ системою парламентаризма. Поддержка кандидата всѣми силами администраціи, сказалъ онъ, была необходимымъ послѣдствіемъ личнаго правительства императора. Каждый разъ, когда происходили выборы, кандидатомъ подъ разными именами выступалъ тотъ же императоръ и всякій неуспѣхъ его кандидата считался его личной неудачей. При такихъ условіяхъ памятно, что все пускаемо было въ ходъ для поддержки официальной кандидатуры. Теперь отвѣтственные министры покрываютъ собою личность императора. Монархъ болѣе не выступаетъ передъ избирателями. Его мѣсто заняли министры. Неуспѣхъ на выборахъ будетъ неуспѣхомъ не династіи, а министровъ. Нѣтъ, поэтому болѣе основанія располагать силами администраціи для сохраненія министровъ во власти... Къ чему, въ концѣ концовъ, сводится парламентскій режимъ? Къ постоянной борьбѣ на глазахъ у государя и стороны между организованными партіями. Министерская обыкновенно имѣетъ передъ собою противникомъ оппозицію. Перевѣсъ обеспечивается результатомъ, даннымъ выборами. Каковы права обѣихъ партій? Они одинаковы. Министерская партія не имѣетъ большихъ правъ, чѣмъ партія оппозиціи; но права ея, разумѣется, не меньше. При парламентарномъ образѣ правленія министерская партія имѣетъ такое же право заявить кто ея кандидаты, какимъ располагаетъ и оппозиція. Но чего министерская партія не можетъ требовать отъ своихъ главъ—это ставить власть административную на служеніе ея кандидатамъ“ ¹⁾).

Отвѣтственное министерство Оливье пало не подъ ударами, нанесенными ей справа или слѣва лицами не сочувствовавшими его внутренней политикѣ, а подъ ударами первыхъ поражений, понесенныхъ Франціей въ ея войнѣ съ пруссаками. Въ VII томѣ „Исторіи второй имперіи“ Де ля Горсъ весьма вѣрно передаетъ самый ходъ засѣданія, на которомъ рѣшена была участь министровъ. Въ день, слѣдовавшій за сраженіемъ подъ Виссенбургомъ, еще сохраняемы были нѣкоторыя надежды. Но вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій становились все болѣе и болѣе тревожными, и когда 8 августа, вечеромъ, собрался у императрицы Евгеніи, исполнявшей обязанности регентши за отбытіемъ Наполеона III въ армію, совѣтъ министровъ, депутація отъ законодательнаго корпуса, съ Брамомъ во главѣ, попросила аудіенціи и довела до свѣдѣнія правительства о желаніи палаты, чтобы министерство Оливье было отставлено, портфель военнаго министра переданъ въ руки генерала Трошу, а начальствованіе надъ арміей,

¹⁾ Ibid. 387 стр.

¹⁾ Ibid. 562—563 стр.

онъ заявлялъ о необходимости сохранить за нимъ тѣ прерогативы, которыя ввѣрены были ему народомъ для охраны порядка и общественнаго уклада. (Посланіе отъ 11 іюля 1869 г.).

Министерство Эмиля Оливье и сдѣлалось вскорѣ осуществленіемъ этой идеи солидарнаго, вышедшаго изъ большинства палаты и ею контролируемаго кабинета. Самъ Руэръ, въ рукахъ котораго продолжало оставаться руководство дѣлами, предложилъ Наполеону сразу пойти на всѣ уступки и пойти въ частности на опытъ политической отвѣтственности министровъ. Императоръ, по словамъ Э. Оливье, представилъ на это то формальное возраженіе, что подобную перемѣну нельзя сдѣлать въ формѣ сенатусконсульта, такъ какъ она касается самыхъ основъ конституціи, къ плебисциту же императоръ прибѣгать не хотѣлъ, объявляя, что берегаетъ обращеніе къ нему на дурной день, видя въ немъ послѣднее средство спасенія. Пока же прибавлялъ онъ, я не хочу обращаться къ другому приему, кромѣ сенатусконсультовъ, такъ какъ тѣмъ же порядкомъ я могъ бы взять и обратно проведенныя реформы, разъ опытъ доказалъ бы ихъ непригодность¹⁾.

При обсужденіи текста новаго сенатусконсульта слышались въ верхней палатѣ голоса:

Правительство національной обороны: Кремье, Ле Фло, Пикарь, Фуришонъ, Ж. Фавръ, Трошо, Гамбетта, Дорганъ, Ж. Симонъ, Маньекъ.

„это не увѣнчаніе зданія, это его разрушеніе“. Новый актъ надѣлялъ сенатъ правомъ, не соглашаясь съ предложеннымъ ему законопроектомъ, вносить въ него измѣненіе и въ случаѣ несогласія палатъ пойти на нихъ отсрочивать дальнѣйшее рѣшеніе на цѣлую сессию. Публичность засѣданій и право интерпелляцій были обезпечены сенату, тогда какъ законодательный починъ удержанъ за одной нижней палатой. Равенство между обѣими камерами въ отношеніи къ инициативѣ реформъ до нѣкоторой степени возстановлялось правомъ сената—обращаться къ императору съ письменнымъ заявленіемъ о необходимости провести тѣ или другія мѣропріятія національнаго интереса черезъ обѣ палаты, при чемъ самъ сенатъ устанавливалъ основныя начала задуманной имъ реформы. Новый сенатусконсультъ вызвалъ негодованіе консервативной партіи, органомъ которой была редактированная де Кассаньякомъ газета „Страна“. Наоборотъ, онъ встрѣтилъ горячую поддержку либеральныхъ публицистовъ съ Прево-Парадолемъ и Эм. Жирардэнъ во главѣ. Послѣдній признавалъ за нимъ большее значеніе, чѣмъ за тѣми измѣненіями, какія сдѣланы были въ конституціонной хартіи Людовика XVIII Людовикомъ-Филиппомъ при его воцареніи, а именно 9 августа 1830 г. Послѣ неудачной попытки протянуть существованіе консервативнаго министерства, Наполеонъ III обратился къ

¹⁾ Оливье, т. ХП стр. 34.

Эм. Оливье и поручилъ ему подъ своимъ, однако, контролемъ составленіе новаго кабинета. Въ составъ его вошли люди, принадлежавшіе не къ одному только правому, но и къ лѣвому центру. При приѣмѣ на новый годъ членовъ законодательнаго корпуса императоръ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, значилось, что онъ идетъ на раздѣлъ отвѣтственности съ палатами и пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ увѣренность, что ему станетъ легче выходить изъ тѣхъ затрудненій, какія могутъ представляться въ будущемъ.

„Путешественникъ, прошедшій долгій путь и складывающій съ плечъ часть клажи, прибавилъ Наполеонъ, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ новыя силы для продолженія своего пути“. Рѣчь, сказанная Э. Оливье, при первомъ же выступленіи въ Палатѣ, была открытой проповѣдью парламентаризма. „Мы будемъ признательны большинству, сказалъ онъ, за его поддержку и оппозиціи за ея критику принимаемыхъ нами мѣропріятій, а въ тотъ день, когда въ этомъ собраніи образуется группа людей, располагающая большинствомъ, мы охотно передадимъ власть въ ея руки, на какихъ бы скамьяхъ она не сидѣла ¹⁾“. „Оппозиція, какую онъ встрѣтилъ на лѣвыхъ скамьяхъ была вызвана антидинастическими интересами, болѣе или менѣе скрываемымъ желаніемъ покончить съ самымъ существованіемъ Бонапартистской имперіи и замѣнить ее республикой. Что касается до правой, то она прекратила свою поддержку новому министерству лишь съ того момента, когда глава кабинета высказалъ рѣшительное осужденіе официальныхъ кандидатуръ, очевидно, непримиримымъ съ системою парламентаризма. Поддержка кандидата всѣми силами администраціи, сказалъ онъ, была необходимымъ послѣдствіемъ личнаго правительства императора. Каждый разъ, когда происходили выборы, кандидатомъ подъ разными именами выступалъ тотъ же императоръ и всякій неуспѣхъ его кандидата считался его личной неудачей. При такихъ условіяхъ памятно, что все пускаемо было въ ходъ для поддержки официальной кандидатуры. Теперь отвѣтственные министры покрываютъ собою личность императора. Монархъ болѣе не выступаетъ передъ избирателями. Его мѣсто заняли министры. Неуспѣхъ на выборахъ будетъ неуспѣхомъ не династии, а министровъ. Нѣтъ, поэтому болѣе основанія располагать силами администраціи для сохраненія министровъ во власти... Къ чему, въ концѣ концовъ, сводится парламентскій режимъ? Къ постоянной борьбѣ на глазахъ у государя и стороны между организованными партіями. Министерская обыкновенно имѣетъ передъ собою противникомъ оппозицію. Перевѣсъ обезпечивается результатомъ, даннымъ выборами. Каковы права обѣихъ партій? Они одинаковы. Министерская партія не имѣетъ большихъ правъ, чѣмъ партія оппозиціи; но права ея, разумѣется, не меньше. При парламентарномъ образѣ правленія министерская партія имѣетъ такое же право заявить кто ея кандидаты, какимъ располагаетъ и оппозиція. Но чего министерская партія не можетъ требовать отъ своихъ главъ—это ставить власть административную на служеніе ея кандидатамъ“ ¹⁾.

Отвѣтственное министерство Оливье пало не подъ ударами, нанесенными ей справа или слѣва лицами не сочувствовавшими его внутренней политикѣ, а подъ ударами первыхъ поражений, понесенныхъ Франціей въ ея войнѣ съ пруссаками. Въ VII томѣ „Исторіи второй имперіи“ Де ля Горсъ весьма вѣрно передаетъ самый ходъ засѣданія, на которомъ рѣшена была участь министровъ. Въ день, слѣдовавшій за сраженіемъ подъ Виссенбургомъ, еще сохраняемы были нѣкоторыя надежды. Но вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій становились все болѣе и болѣе тревожными, и когда 8 августа, вечеромъ, собрался у императрицы Евгении, исполнявшей обязанности регентши за отбытіемъ Наполеона III въ армію, совѣтъ министровъ, депутація отъ законодательнаго корпуса, съ Брамомъ во главѣ, попросила аудіенціи и довела до свѣдѣнія правительства о желаніи палаты, чтобы министерство Оливье было отставлено, портфель военнаго министра переданъ въ руки генерала Трошю, а начальствованіе надъ арміей,

¹⁾ Ibid. 387 стр.

¹⁾ Ibid. 562—563 стр.

призванной защищать Париж, ввѣрено было генералу Монтобану, носившему титуль графа Паликао и командовавшему въ Лионѣ. На слѣдующій день, когда собралась палата, судьба министерства считалась предрѣшенной, и Оливье ходатайствовалъ передъ депутатами только объ одномъ, чтобы ихъ отпустили безъ фразъ, безъ излишнихъ разсужденій. Добившись перерыва засѣданій на полчаса онъ воспользовался имъ для свиданія съ императрицей и принесъ отъ нея предложеніе поручить графу Паликао образованіе новаго правительства. Восслѣдовавшее на разстояніи одного мѣсяца паденіе имперіи не было осужденіемъ парламентскаго образа правленія. Онъ сохранялъ прежде популярность и не мудрено поэтому, если третья республика поставила себя задачей положить его въ основу своихъ учреждений.

*Схватка съ коммунарами.
Съ рисунка Д. Вьержа.*

V.

Коснувшись лишь въ общихъ чертахъ вѣковой смѣны основныхъ законовъ Франціи и причинъ ихъ вызывавшихъ, я останавлиюсь болѣе подробно на исторіи возникновенія тѣхъ „Органическихъ законовъ“, какіе даны были Франціи въ 1875 г. и въ своей совокупности слывутъ подъ названіемъ Валлоновской конституціи. Спросимъ себя, каковъ былъ ходъ событій, поведшихъ къ упроченію республики и къ надѣленію ее доселѣ дѣйствующими учрежденіями.

Национальное собраніе въ Бордо было созвано не для того, чтобы играть роль учредительнаго, а для того, чтобы покончить съ войною и заключить миръ съ непріателемъ.

Такъ какъ было извѣстно, что республиканцы, съ Гамбеттой во главѣ, стоятъ за продолженіе войны, то выборъ населенія, утомленнаго мѣсяцами крайняго напряженія силъ и, повидимому, потерявшаго всякую надежду на успѣшность дальнѣйшей обороны, палъ во многихъ случаяхъ на людей, политическія воззрѣнія которыхъ были ему чужды, палъ только потому, что они осуждали поведеніе правительства въ Турѣ и позднѣе въ Бордо.

Попытки, сдѣланныя Гамбеттой, устранить отъ выборовъ лицъ, ранѣе исполнявшихъ обязанности министровъ, государственныхъ совѣтниковъ, префектовъ, или соглашавшихся выступать въ роли рекомендуемыхъ правительствомъ кандидатовъ въ періодъ времени отъ 2-го декабря 1851 г. по 4-е сентября 1870 года, встрѣтили рѣшительный отпоръ не въ комъ

иномъ, какъ въ Бисмаркъ; въ телеграммѣ на имя главы временнаго правительства онъ заявилъ, что выборы, произведенные при такомъ давленіи, не могутъ, сообщить депутатамъ тѣхъ правъ, которыя, по соглашенію о перемиріи, обезпечены германскимъ правительствомъ только лицамъ, свободно избраннымъ. Гамбеттѣ осталось только покинуть занимаемый имъ постъ и передать обязанности министра внутреннихъ дѣлъ прибывшему изъ Парижа члену временнаго правительства, Эммануилу Араго.

Одно намѣреніе воздѣйствовать на выборы путемъ исключенія цѣлаго ряда кандидатовъ ознаменовалось во Франціи на этотъ разъ, какъ и всегда, оппозиціоннымъ настроеніемъ противъ правительства, и, хотя избирательная кампанія 8-го февраля 1871-го года протекла при полной свободѣ, но послѣдствіемъ подготовлявшагося „нажима“ было то, что она создала большинство, враждебное временному правительству. Всѣ партіи, связавшіе свои судьбы съ интересами трехъ династій, поставившихъ въ разное время правителей Франціи въ теченіе послѣднихъ 70-ти лѣтъ, оказались представленными весьма значительнымъ числомъ депутатовъ. Республиканцевъ насчитывали не болѣе 240 изъ общаго числа членовъ парламента въ 750 человекъ. При такомъ численномъ отношеніи трудно было ждать немедленнаго провозглашенія республики, какъ постояннаго правительства Франціи. Самое большее, чего можно было достигнуть, это—отсрочка вопроса объ изданіи новыхъ органическихъ законовъ. Можно считать, поэтому, что соглашеніе, заключенное въ Бордо (такъ называемый *pacte Bordeaux*), по которому представители различныхъ партій рѣшили заняться, прежде всего, вопросомъ объ уплатѣ военнаго вознагражденія побѣдителямъ, подъ условіемъ, что войска ихъ покинутъ Францію, и реформой административной, финансовой и военной, было какъ нельзя болѣе удачной мѣрой.

Инициаторомъ ея явился Тьеръ, возведенный на постъ главы исполнительной власти. Къ нему перешли, такимъ образомъ, функціи временнаго правительства, но не непосредственно отъ послѣдняго, а по выбору самого собранія, какъ надѣленнаго полнотою верховныхъ правъ въ странѣ. Въ обращеніи къ палатѣ въ моментъ принятія имъ возложенныхъ на него полномочій Тьеръ слѣдующимъ образомъ опредѣлялъ ближайшую программу правительства. „Освободить наши деревни отъ непріятеля, который продолжаетъ пожирать ихъ, вернуть изъ-за границы нашихъ плѣнныхъ солдатъ, офицеровъ и генераловъ; возродить хорошо дисциплинированную и мужественную армію, возстановить общественный порядокъ, замѣнить сложившихъ свои полномочія или недостойныхъ администраторовъ новыми, видоизмѣнить путемъ выборовъ составъ нашихъ генеральныхъ совѣтовъ и совѣтовъ муниципальных, создать такимъ образомъ новую администрацію на мѣстахъ, положить конецъ непроизводительнымъ расходамъ, поправить наше финансовое положеніе или, по меньшей мѣрѣ, нашъ кредитъ, дать новый импульсъ труду,—такова, сказала онъ—единственно-возможная и даже единственно-допустимая въ наше время политика. Попытаемся, поэтому, устранить на время, едва ли обѣщающее быть продолжительнымъ, всѣ наши принципиальныя различія, вносившія рознь между нами и, по всей вѣроятности, продолжающія вносить ее и по настоящій день. Мы снова приобрѣтемъ возможность проводить различія между нами тогда, когда такое поведеніе перестанетъ носить характеръ посягательства на благо страны и на самое ея существованіе“.

Очевидно, что такая политика была якоремъ спасенія и для самой Франціи, и для французской республики, интересы которой были представлены всего на всего третью всѣхъ депутатовъ. Каковы были дѣйствительныя намѣренія Тьера въ эту минуту: являлся ли онъ прежнимъ сторонникомъ конституціонной монархіи и возстановленія на престолѣ орлеанской линіи, или онъ уже въ 1871-мъ году давалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что въ современной Франціи мыслима одна только республика,—мы рѣшить не беремся. Оба предположенія одинаково возможны. Но событія сложились такимъ образомъ, что Тьеру, быть можетъ противъ его воли, пришлось сдѣлаться сторонникомъ послѣдняго рѣшенія.

Начать съ того, что при осуществленіи имъ ближайшей задачи—освобожденія территоріи отъ иноземнаго войска,—сторонники монархической реакціи не побрезгали ролью скрытыхъ заговорщиковъ, дѣйствовавшихъ за одно съ германскимъ посломъ Арнимомъ и сознательно стремившихся къ тому, чтобы препятствовать завершенію истинно патріотическаго дѣла. Изъ донесеній, сдѣланныхъ Тьеру его уполномоченнымъ при арміи Мантейфеля въ Нанси, Сень-Валье, и изъ сообщеній французскаго посла въ Берлинъ, Гонто-Бирона, глава исполнительной власти въ состояніи былъ узнать слѣдующее. Арнимъ не скрываетъ того, что французскіе консерваторы желаютъ продолженія нѣмецкой оккупаціи изъ страха, что, разъ она прекратится,

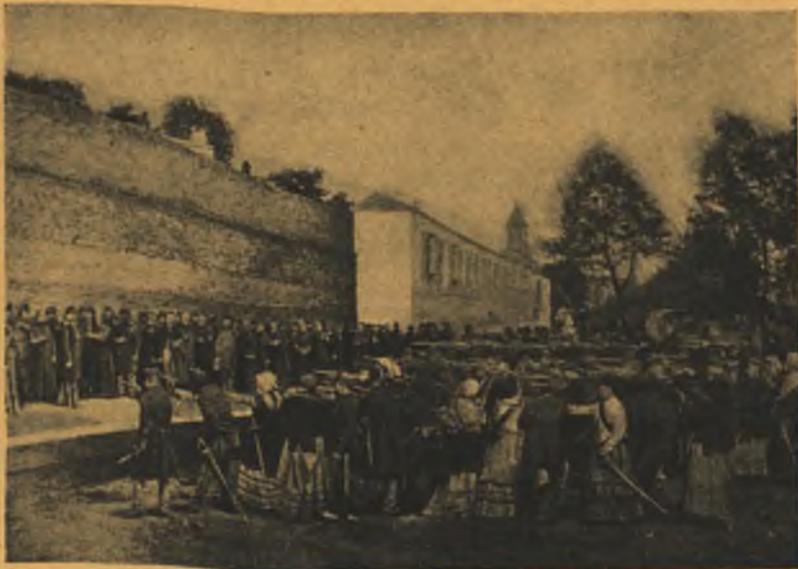
*Провозглашеніе Коммуны (26 марта 1871 г.)
(Illustrated London News).*

палату распустятъ, а новые выборы будутъ носить радикальный характеръ. Арнимъ считаетъ Францію склонной къ возобновленію войны, а потому высказался передъ своимъ правительствомъ противъ предложенія Тьера—уплатой послѣдней трети военнаго выкупа раньше срока добиться удаленія нѣмецкихъ войскъ изъ предѣловъ Франціи.

Представленія Арнима, повидимому, произвели впечатлѣніе при берлинскомъ дворѣ. Тьеръ, предвидя опасность дальнѣйшаго веденія переговоровъ при посредствѣ Арнима, обратился прямо къ Бисмарку. При помощи образованнаго Тьеромъ синдиката изъ 55-ти крупнѣйшихъ банкировъ произведенъ былъ удачный заемъ, открывшій возможность окончательной расплаты 1873 г., т. е. двумя годами ранѣе условеннаго срока. Это обстоятельство вызвало изъ устъ императора Вильгельма слѣдующее признаніе въ бесѣдѣ съ французскимъ посломъ: „Такого освобожденія территоріи за два года до срока мы, поистинѣ, не могли предвидѣть.

Какія сокровища заключаетъ въ себѣ ваша страна!“ Собрание отвѣтило на заявленіе, сдѣланное ему отъ имени главы исполнительной власти министромъ иностранныхъ дѣлъ Ремюза, выраженіемъ своей признательности и признательности всей страны Тьеру и его правительству. Предложеніе облечь ту же мысль въ болѣе торжественную форму, сказавъ, что Тьеръ—президентъ республики—оказавъ услугу родинѣ, не встрѣтило поддержки большинства. Оно пожелало оттъннить и собственное свое участіе въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ. Когда председатель собранія Гриви предложилъ послать къ президенту депутацію для передачи Тьеру протоколовъ засѣданія, въ которомъ вотировано было выраженіе ему благодарности, со скамей правыхъ послышались крики: „Безъ апофеоза“.

Когда вскорѣ затѣмъ въ рѣчи, произнесенной въ Сорбоннѣ, министръ народнаго просвѣщенія Жюль Симонъ, не упоминая о собраніи, приписалъ одному Тьеру честь освобожденія Франціи отъ иноземнымъ войскъ,—собрание высказало, подъ вліяніемъ интригъ правой, осужденіе дѣйствіямъ правительства и заставило Симона выйти изъ состава кабинета.

Разстрѣлъ коммунарами представителей парижскаго духовенства и жандармеріи.

Такимъ образомъ, нерасположеніе къ Тьеру со стороны монархистовъ, готовое принять одно время форму заговора съ нѣмецкимъ посломъ противъ освобожденія французской территоріи отъ иноземныхъ враговъ, продолжало и позднѣе сказываться въ попыткахъ лишить Тьера того признанія его заслугъ передъ страной, которое, какъ онъ самъ выразился, было для него высшей наградой.

Враждебность къ Тьеру легитимистовъ выступила еще съ большею наглядностью послѣ того, какъ была достигнута главная задача, отсрочившая на время счеты партій между собою и попытки каждой устроить Францію по своему образцу.

Новые выборы для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ усилили республиканскую партію. Тьеру удалось заключить выгодные торговые договоры. Годы, слѣдовавшіе за войною, оказались годами прекрасныхъ урожаевъ. Ссылаясь на всѣ эти отрадные факты, Тьеръ, по словамъ печати, обѣщавъ „выступить на трибунѣ со всѣми своими новыми козырями“. Въ свою очередь, правые считали истекшимъ перемиріе, заключенное ими въ Бордо, и одинъ изъ роялистовъ Жиронды, Принсето, исполнявшій въ собраніи обязанности квестора, заявилъ, что настало время не позволить Тьеру „эскамотировать“, какъ онъ выразился, монархію.

На томъ же банкетѣ въ Бордо орлеанисты не скрывали своихъ симпатій къ возстановленію конституціоннаго правленія съ наслѣдственнымъ главою и одновременно съ министерской отвѣтственностью и парламентской инициативой.

Въ первое время послѣ открытія засѣданій парламента бонапартисты, располагавшіе сравнительно небольшимъ числомъ голосовъ, пользовались нерасположеніемъ всѣхъ партій, въ томъ числѣ и монархическихъ. Но когда новые выборы, вмѣстѣ съ республиканцами, привели въ парламентъ и вожаковъ бонапартизма, въ томъ числѣ бывшаго „вице-императора“ Руэра, монархисты стали искать у нихъ союза, протестуя за одно съ ними противъ изгнанія изъ Франціи, какъ претендента, принца Жерома-Наполеона, Въ числѣ обстоятельствъ, вызвавшихъ новое поднятіе щитовъ въ пользу монархіи, былъ страхъ, внушенный рѣчью Гамбетты, произнесенной 26 сентября 1872 г. въ Греноблѣ. Особенно инкриминируемы были народному трибуну слѣдующія слова: „люди не хотятъ признать послѣдствій, вытекающихъ изъ революціи, и дать себѣ отчетъ въ томъ, что монархія разъ навсегда покончена, что всякаго рода государственные порядки, способные, даже при существенныхъ отличіяхъ, напомнить собою монархію, одинаково должны считаться осужденными... Неужели эти люди не понимаютъ, что со времени паденія имперіи выступило на сцену новсе поколѣніе, пылкое, но умѣющее сдерживать себя, разумное, способное вести дѣла государственныя, любящее справедливость, озабоченное защитой общихъ правъ? Или они не замѣтили его появленія въ муниципальных совѣтахъ, его постепеннаго проникновенія въ другіе, также избираемые совѣты страны, все большее и большее мѣсто, завоевываемое имъ въ избирательной борьбѣ? Неужели не отмѣченъ тотъ фактъ, что на протяженіи всей страны всеобщее голосованіе осуществляется новымъ персоналомъ? Развѣ не видѣли тружениковъ въ городахъ и селахъ, тотъ рабочій классъ, которому принадлежитъ будущее, выступившимъ уже въ роли политическаго дѣятеля?“

Когда, 13 ноября 1872 г., Тьеръ, при возобновленіи занятій Національнаго Собранія, прочелъ свой писанный манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, стояли слѣдующія слова: „республика существуетъ, она легальное правительство страны; желать чего иного—равнозначительно революціи, самой страшной изъ всѣхъ“, монархисты увидѣли въ этомъ рѣшимость президента упрочить во Франціи народоправство и рѣшили, что имъ долѣ медлить нельзя. Когда окончилось чтеніе Тьеромъ его манифеста, руководители правой и ея подраздѣленій, легитимистъ герцогъ Одифре Пакье и орлеанистъ Броль съ цѣлымъ рядомъ другихъ вожаковъ, сошлись для выработки общаго плана дѣйствій, съ цѣлью замѣнить Тьера сперва триумфаторомъ трехъ генераловъ, въ числѣ которыхъ былъ и маршалъ Макъ-Магонъ, а затѣмъ этимъ послѣднимъ.

Слухъ о близкой возможности такого исхода распространился въ столь широкихъ кругахъ, что маршалъ счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ Тьеру и увѣдомить его о своемъ рѣшеніи держаться въ сторонѣ отъ политики, не участвуя ни въ какихъ парламентскихъ интригахъ. Въ противность меньшинству 580-ти консерваторовъ, депутаты, образовавшіе изъ себя лѣвый центръ, выставили другую программу; они требовали удлиненія срока президентскихъ полномочій на четыре года, созданія должности вице-президента, который могъ бы заступитъ мѣсто главы республики, въ случаѣ если бы оно стало вакантнымъ, частичнаго обновленія Національнаго Собранія, созданія второй палаты, отвѣтственности министровъ и точнаго опредѣленія отношеній между государственными властями. Рѣшимость центра добиваться принятія этихъ законовъ выразилась съ особой наглядностью съ тѣхъ поръ какъ онъ, путемъ новыхъ выборовъ, большинствомъ 69-ти голосовъ противъ 13-ти, поставилъ во главѣ Рикара, бывшаго сотрудника Гамбетты въ Турѣ. Новый выборъ означалъ готовность положить конецъ прежнему соглашенію представителей умѣренныхъ группъ,—препятствовать успѣху, какъ крайнихъ правыхъ, такъ и крайнихъ лѣвыхъ, какъ сторонниковъ ближайшаго возстановленія монархіи съ бѣлымъ знаменемъ, такъ и сторонниковъ упроченія республики. За такое соглашеніе высказывался прежній президентъ центра Казиміръ Перье; Рикаръ же былъ извѣстенъ какъ рѣшительный его противникъ, готовый направить дѣятельность лѣваго центра

